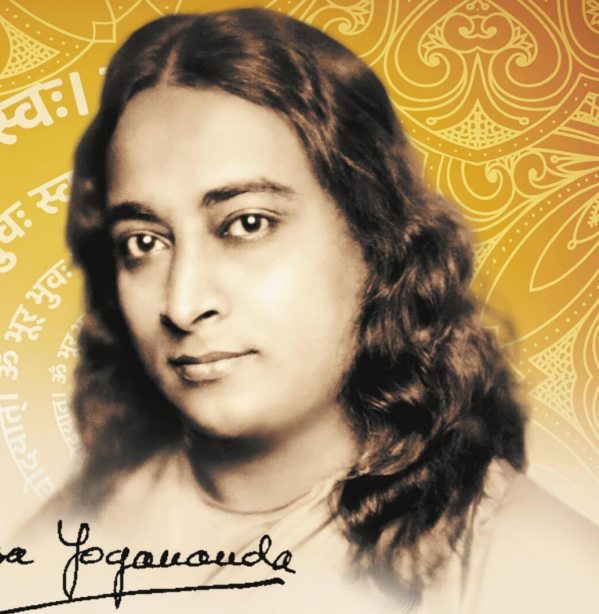

Парамаханса
Йогананда

Paramahansa Yogananda

АВТОБИОГРАФИЯ

ЙОГА

Парамаханса Йогананда

Автобиография йога

Серия «Мудрая книга»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69453463
Автобиография йога: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-157534-2

Аннотация

Эта легендарная книга написана выдающимся йогом Парамахансой Йоганандой в 1946 году. С тех пор она переведена более чем на 50 языков, стала классикой духовной литературы и повлияла на жизни множества людей. Среди почитателей книги – Стив Джобс, Джордж Харрисон, Элвис Пресли и многие другие.

Левитирующие йоги и святые, гималайские мудрецы и покорители тигров, факиры и настоящие гуру – Индия, полная чудес и духовных поисков, оживает на страницах этой книги.

«Автобиография йога» чудесным образом переплетает мудрость Библии, Бхагавад-гиты и других священных текстов – и открывает нам, что все они говорят об одном и не противоречат друг другу. Эта книга актуальна в любые времена и действительно способна преобразовать людей!

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие Бориса Гребенщикова	9
Предисловие Уолтера Эванс-Вентца	10
Список благодарностей от автора	13
Глава 1	14
Глава 2	36
Глава 3	50
Глава 4	63
Глава 5	90
Глава 6	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Парамаханса Йогананда

Автобиография йога

«Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Евангелие от Иоанна 4:48)

*Посвящается памяти Лютера Бербэнка
Американского Святого*

Paramahansa Yogananda
Autobiography of a Yogi

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Коваленко В., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Рис. 1. Парамаханса Йогананда

India

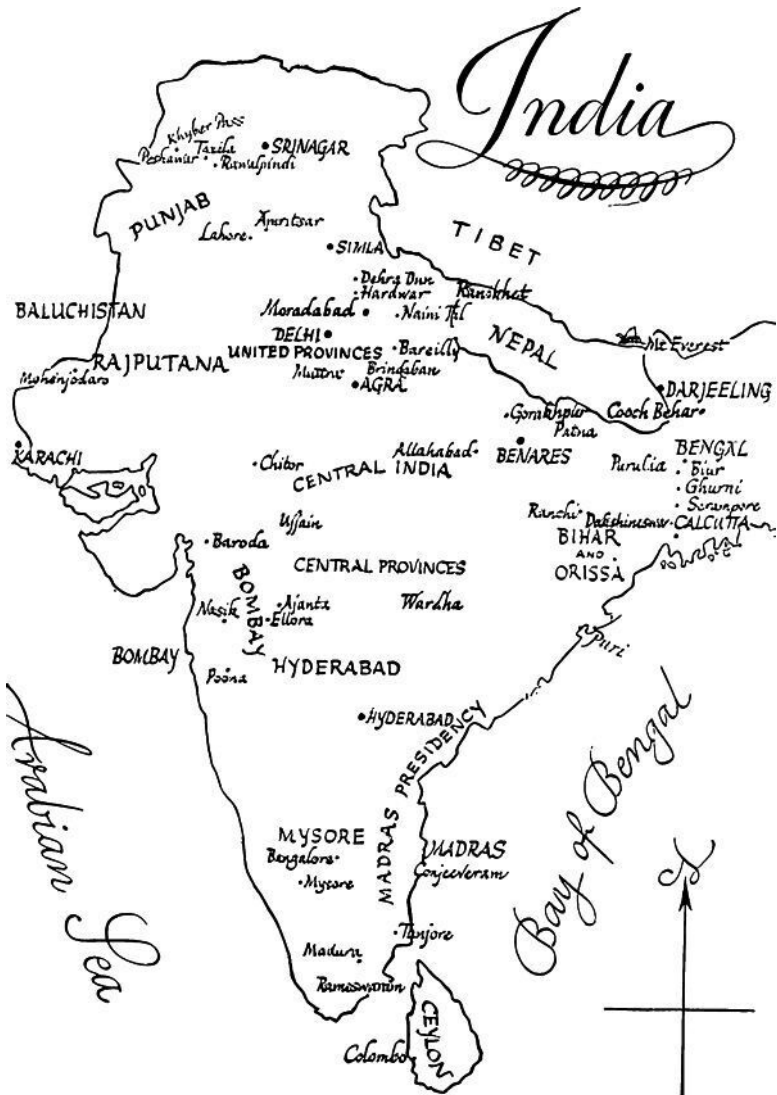

Рис. 2. Карта Индии

Предисловие Бориса Гребенщикова

Выдающийся мастер Парамаханса Йогананда 70 лет назад написал свою «Автобиографию йога» – книгу про йогов, написанную йогом. Она переведена на 50 языков, продана в миллионах экземпляров и считается духовной классикой.

Впервые она была издана в 1946 году и до сих является одной из важнейших книг о мудрости Востока. Йогананда описывает свою жизнь, мысли о йоге и встречи со святыми и просветленными мастерами Индии.

От Джорджа Харрисона до Стива Джобса – все говорят об «Автобиографии йога» с любовью и почтением: эта книга считается лучшим вступлением в науку и философию йоги.

Борис Гребенщиков

1 февраля 2023 года

Предисловие Уолтера Эванс-Вентца

магистра искусств, доктора литературоведения, доктора наук Колледжа Иисуса, Оксфорд, автора книг «Тибетская книга мертвых», «Великий йог Тибета – Милареп», «Тибетская йога и тайные учения» и прочих

Ценность «Автобиографии» Йогананды значительно возрастает благодаря тому факту, что это одна из немногих англоязычных книг о мудрецах Индии, написанная не журналистом или иностранцем, а представителем культуры индуизма – короче говоря, это книга о йогах, написанная йогом. Представляя собой рассказ очевидца о выдающемся жизненном пути и способностях современных индуистских святых, эта книга имеет важное значение как для нынешнего, так и для всех грядущих поколений. Пусть каждый читатель воздаст должное ее прославленному автору, с которым я имел удовольствие общаться как в Индии, так и в Америке. Необычная история его жизни, безусловно, наиболее глубоко раскрывает глубины индуистского разума и сердца, а также духовное богатство Индии, что является редкостью среди публикаций на Западе.

Мне выпала честь познакомиться с одним из мудрецов,

чья история жизни изложена в этой книге, – это Шри Юктешвар Гири. Образ этого достопочтенного святого изображен на обложке моей книги «*Тибетская йога и тайные учения*». Наше знакомство состоялось в городе Пури, расположенном в штате Орисса на берегу Бенгальского залива. В то время Шри Юктешвар был главой тихого ашрама на берегу моря и занимался в основном духовным наставничеством группы молодых учеников. Святой очень интересовался благополучием людей в Соединенных Штатах и обеих Америках, а также в Англии, и расспросил меня о достижениях в деятельности в тех землях, особенно в Калифорнии, своего главного ученика Парамахансы Йогананды, которого он нежно любил и в 1920 году отправил на Запад в качестве религиозного посланника.

Шри Юктешвар имел благородные манеры, мягкий голос и приятную внешность и был достоин того почитания, которое выражали ему его последователи. Все, кто были с ним знакомы, – и ближайшие соратники, и случайные посетители, – относились к этому святому с величайшим уважением. Я живо помню, как Шри Юктешвар стоял у входа в обитель, приветствуя меня, – высокий, статный, худощавый, облаченный в шафранового цвета одеяние, символизирующее отречение от мирских целей. Его длинные волосы слегка вились, а лицо украшала борода. Его тело было мускулистым, но стройным и хорошо сложенным, а походка – энергичной. Местом своей земной обители он избрал священный город

Пури, куда ежедневно совершают паломничество к знаменитому храму Джаганнатха, «Владыки мира», множество благочестивых индусов из всех провинций Индии. Именно в Пури Шри Юктешвар в 1936 году закрыл свои смертные очи, завершив тем самым пребывание в этом мире, и ушел, зная, что его нынешнее земное воплощение было доведено до триумфального завершения. Я действительно рад, что могу назвать себя очевидцем величия и святости Шри Юктешвара. Довольствуясь умиротворенной жизнью вдали от людей, он безоговорочно и смиренно посвятил себя той идеальной жизни, которую Парамаханса Йогананда, его ученик, навеки сохранил в памяти потомков, описав в этой книге.

Уолтер Эванс-Вентц

Список благодарностей от автора

Я глубоко признателен мисс Л. В. Пратт за ее скрупулезную редакторскую работу над рукописью этой книги. Я также благодарен мисс Рут Зан за подготовку оглавления, мистеру Ричарду Райту за разрешение использовать выдержки из его дневника путешествий по Индии и доктору У. Эванс-Вентцу за советы и поддержку.

Парамаханса Йогананда

28 октября 1945 года

Энсинитас, Калифорния

Глава 1

Мои родители и ранние годы

Характерной особенностью индийской культуры испокон веков считается поиск высшей истины и связанные с ним отношения между учеником и гуру¹. Мой собственный путь привел меня к Христоподобному мудрому старцу, чья прекрасная жизнь навеки запечатлелась в памяти потомков. Это был один из великих наставников – последнее оставшееся богатство Индии. Рождаясь в каждом поколении, они уберегали родную землю от участи Вавилона и Египта.

Мои самые ранние воспоминания охватывают события моего предыдущего воплощения. Мне отчетливо вспоминалась жизнь йога², обитавшего среди гималайских снегов. Эти отрывки прошлого благодаря некой непостижимой связи также позволили мне заглянуть в будущее.

Мне никогда не забыть унижительную беспомощность младенчества. Я с обидой сознавал, что не могу ходить или свободно выражать свои мысли. В моей душе родился поток молитв, когда я осознал свое телесное бессилие. Мое напря-

¹ Гуру – духовный наставник; от санскритского корня «гур», что означает поднимать, возвышать.

² Йог – тот, кто практикует йогу, древнеиндийскую науку медитации и служения Богу.

женное эмоциональное состояние выражалось в безмолвных внутренних монологах, которые велись на различных языках. Среди какофонии звуков мое ухо постепенно привыкло различать бенгальскую речь окружающих меня людей. Вот каковы способности младенческого ума! По сравнению с ним развитие взрослых можно считать детским лепетом.

Психологические переживания и неспособность управлять собственным телом вызывали у меня постоянные приступы плача. Мне помнится, как вся семья недоумевала по поводу причин моего горя. Но у меня сохранились и более счастливые воспоминания: ласки Матери и мои первые попытки лепетать и делать робкие шаги. Эти ранние победы, которые обычно быстро забываются, все же являются естественной основой уверенности в себе.

Я не уникален в своей способности помнить события предыдущих жизней. Известно, что многие йоги сохранили свое самосознание, не утратив его во время кардинального перехода от «жизни» к «смерти» и наоборот. Если бы человек был просто телесной оболочкой, то потеря этой оболочки действительно стала бы концом для его личности. Но если пророки на протяжении тысячелетий говорили правду, то человек, по сути, имеет бестелесную природу. Неизменное ядро человеческой индивидуальности лишь временно наделяется способностью воспринимать мир через органы чувств.

Если бы человек был просто телесной оболочкой, то ее потеря стала бы концом для его личности.

Хотя это и кажется странным, но отчетливые воспоминания о младенчестве встречаются у людей не так уж и редко. Во время путешествий по разным странам я слышал правдивые описания ранних воспоминаний из уст многих мужчин и женщин.

Я родился в последнем десятилетии девятнадцатого века и провел первые восемь лет своей жизни в Горакхпуре, который был расположен в Соединенных провинциях Британской Индии. В моей семье восемь детей: четыре мальчика и четыре девочки. Я, Мукунда Лал Гхош³, – второй сын и четвертый ребенок.

Отец и Мать были бенгальцами, из касты кшатриев⁴. Оба были благословлены праведностью души. Их взаимная любовь, безмятежная и исполненная достоинства, никогда не проявлялась легкомысленно. Наши восемь юных жизней су-

³ Мое имя было изменено на Йогананда, когда в 1914 году я вступил в древний монашеский орден Свами. Мой гуру даровал мне религиозный титул Парамаханса в 1935 году (см. главы 24 и 42).

⁴ Традиционно считается второй кастой воинов и правителей.

матосно вращались вокруг этого незыблемого столпа пол-ной гармонии между родителями.

Мой Отец, Бхагабати Чаран Гхош, был добр, серьезен и иногда суров. Нежно любя его всем сердцем, мы, дети, все же соблюдали определенную почтительную дистанцию. Вы-дающийся математик и логик, он руководствовался главным образом своим интеллектом. Мать же была настоящей по-корительницей сердец и учила нас только через проявление любви. После ее смерти Отец стал относиться к нам с боль-шей нежностью. Тогда я заметил, что его взгляд стал часто напоминать мне взгляд Матери.

Еще при жизни Матери мы вкусили свое первое, много-гранное знакомство со священными писаниями. Она изобре-тательно использовала сказания из «Махабхараты» и «Рама-яны»⁵, чтобы показать нам необходимость соблюдения дис-циплины. Наставление и наказание шли в нашем воспитании рука об руку.

Проявляя уважение к Отцу, каждый вечер дома мы встре-чали его с работы. Мать тщательно наряжала нас по такому случаю. Отец занимал высокую должность, аналогичную со-временной позиции вице-президента, в «Бенгальской желез-ной дороге Нагпура» – одной из крупных компаний Индии. Его работа была связана с разъездами, и во времена моего

⁵ Эти древние эпосы являются сокровищницей истории, мифологии и филосо-фии Индии. Один из томов «Библиотеки обывателя» под названием «Рамаяна и Махабхарата» представляет собой вирши, переведенные на английский язык Ромешем Даттом.

детства наша семья несколько раз переезжала из города в город.

Мать всегда помогала нуждающимся. Отец тоже был настроен к ним доброжелательно, но в том, что касалось денег, он всегда уважал закон и порядок. Я помню случай, когда за пару недель Мать потратила на еду для бедных больше, чем Отец зарабатывал за месяц.

– Я прошу тебя лишь об одном: пожалуйста, оставайся милосердной в разумных пределах.

Но даже такой мягкий упрек со стороны мужа Мать восприняла тяжело. Она заказала наемный экипаж, всем видом стараясь никак не показывать детям, что в семье возникли разногласия.

– Прощай! Я переезжаю к своей матери, – старый, как мир, ультиматум!

Мы разразились горьким плачем. На наше счастье, в гости как раз приехал дядя по материнской линии: он шепнул Отцу какой-то мудрый совет, без сомнения, основанный на многовековом мужском опыте. Выслушав от Отца несколько примирительных фраз, Мать с радостью отпустила экипаж. Так закончилась единственная размолвка, которая на моей памяти случилась между родителями. Но мне запомнилась еще одна знаковая беседа.

– Пожалуйста, дай мне десять рупий для несчастной женщины, которая к нам постучалась, – попросила Мать с присущей ей убедительной улыбкой.

– Зачем ей десять рупий? Хватит и одной, – и в свое оправдание Отец добавил: – После внезапной смерти моего отца, бабушки и дедушки я впервые почувствовал вкус бедности. По утрам я завтракал лишь одним небольшим бананом, а затем отправлялся в школу, расположенную в нескольких милях от дома. Позже, в университете, я жил в такой нищете, что попросил одного богатого судью выделять мне одну рупию в месяц в качестве подаяния. Он отказался, отметив, что даже одна рупия имеет свою ценность.

– С какой горечью ты вспоминаешь, как тебе отказались подать рупию! – большое материнское сердце мгновенно включило логику. – Неужели ты хочешь, чтобы эта женщина тоже с болью вспоминала, как ты отказался подать ей десять рупий, в которых она так остро нуждалась?

– Сдаюсь! – извечным жестом всех побежденных мужей Отец открыл свой бумажник. – Вот банкнота в десять рупий. Отдай ее нищенке вместе с моими наилучшими пожеланиями.

Как правило, сначала Отец всегда отвечал отказом на любое новое предложение. Его реакция на просьбу незнакомой женщины, к которой так легко прониклась сочувствием Мать, была примером привычной осторожности. Нежелание сразу принимать новое, что типично среди французов на Западе, – на самом деле просто является соблюдением принципа «должной осмотрительности». Я всегда считал Отца разумным и уравновешенным в своих суждениях. Ес-

ли мне удавалось подкрепить свои многочисленные просьбы вескими аргументами, он неизменно помогал мне получить желаемое, будь то поездка на отдых или новый мотоцикл.

Отец был строгим приверженцем дисциплины, к которой приучал своих детей с малых лет, но его отношение к себе было поистине спартанским. Например, он никогда не посещал театр, а отдых находил в различных духовных практиках и в чтении Бхагавад-гиты⁶. Чураясь всякой роскоши, он носил одну и ту же пару ботинок, пока те не приходили в негодность. Его сыновья приобрели автомобили, как только такая покупка стала им доступна, но Отец всегда ездил на работу на трамвае. Ему было чуждо стяжательство. Когда открылся Калькуттский городской банк, Отец отказался приобретать акции, хотя это могло принести ему дополнительную прибыль. В свободное от работы время он просто хотел выполнять свой гражданский долг.

⁶ Этот памятник древнеиндийской религиозно-философской мысли на санскрите, часть шестой книги «Махабхараты», является индуистской Библией. Самый ее поэтический перевод на английский – это «Песня небесная» сэра Эдвина Арнольда. Одним из лучших переводов с подробными комментариями является «Послание Гиты» Шри Ауробиндо.

Рис. 3. Отец. Бхагабати Чаран Гхош. Ученик Лахири Махасайя

Через несколько лет после того, как Отец вышел на пенсию, в компанию «Бенгальская железная дорога Нагпура» из Англии прибыл счетовод, чтобы проверить бухгалтерские книги. Изумленный ревизор обнаружил, что Отец никогда не просил премий за сверхурочную работу.

– Он работал за троих! – воскликнул тот счетовод. – Ему причитается 125 000 рупий (около 41 250 долларов) в качестве компенсации.

Чиновники вручили Отцу чек на указанную сумму. Он настолько не придавал этому значения, что даже забыл рассказать об этом семье. Прошло довольно много времени, прежде чем мой младший брат Бишну заметил большой депозит в банковской выписке и спросил об этом Отца.

– К чему радоваться материальной выгоде? – ответил Отец. – Тот, кто поставил себе цель сохранять уравновешенность, не ликует от приобретения и не горюет из-за потери. Он знает, что человек приходит в этот мир без гроша в кармане и уходит без единой рупии.

Тот, кто поставил себе цель

сохранять уравновешенность, не ликует от приобретения и не горюет из-за потери.

В начале своей супружеской жизни мои родители стали учениками великого мастера Лахири Махасайя из Бенареса. Общение с мудрым наставником укрепило у Отца природную склонность к аскетизму. Однажды Мать сделала интересное признание моей старшей сестре Роме: «Мы с твоим Отцом вступаем в близость только раз в год с целью завести детей».

Отец познакомился с Лахири Махасайя через Абинаша Бабу⁷, служащего Горакхпурского отделения «Бенгальской железной дороги Нагпура». Абинаш потчевал мои юные уши захватывающими историями о различных индийских свя-
тых. В заключение он неизменно воздавал должное непре-
взойденной славе своего гуру.

– Ты когда-нибудь слышал о необычных обстоятельствах, при которых твой Отец стал учеником Лахири Махасайя?

Этот интригующий вопрос Абинаш задал мне как-то раз в безмятежный летний полдень, когда мы сидели вдвоем во дворе моего дома и беседовали. С предвкушающей улыбкой я покачал головой.

– Много лет назад, еще до твоего рождения, я попросил своего начальника – твоего Отца – дать мне неделю отпуска, чтобы я мог навестить своего гуру в Бенаресе. Твой Отец

⁷ Babu – господин (как обращение соответствует английскому Mister), добавляется в конце к бенгальским именам.

высмеял мой план. «Ты хочешь стать религиозным фанатиком? – спросил он. – Если хочешь добиться повышения, уделяй больше внимания своей работе на предприятии».

В тот же день, в печали возвращаясь домой по лесной тропинке, я встретил твоего Отца в паланкине. Он отпустил носильщиков и паланкин и пошел пешком вместе со мной. Стремясь утешить меня, он расписывал преимущества стремления к мирскому успеху. Но я слушал его без особого интереса. Мое сердце твердило: «Лахири Махасайя! Как мне прожить без наших с вами встреч?»

Тропинка привела нас к краю тихого поля, где лучи послеполуденного солнца все еще освещали покачивающиеся верхушки густой травы. Мы невольно залюбовались зрелищем и остановились. Там, в поле, всего в нескольких ярдах от нас внезапно появилась фигура моего великого наставника!⁸

– Бхагабати, ты слишком строг к своему подчиненному! – зазвучал в наших изумленных ушах его голос. Мой гуру исчез так же таинственно, как и появился. Стоя на коленях, я восклицал: «Лахири Махасайя! Лахири Махасайя!» Твой Отец на несколько мгновений застыл в оцепенении.

– Абинаш, я не только даю тебе отпуск, но и сам беру отгул, чтобы завтра отправиться в Бенарес. Я должен познакомиться с этим великим Лахири Махасайя, который способен по собственной воле материализоваться здесь, чтобы засту-

⁸ О феноменальных силах, которыми обладали великие мастера, рассказывается в главе 30 «Закон чудес».

питься за тебя! Я возьму с собой жену и попрошу этого мастера посвятить нас в его духовный путь. Ты pomoжешь нам встретиться с ним?

– Конечно! – я наполнился радостью от того, что чудесным образом получил ответ на свою молитву и все так быстро разрешилось к лучшему.

Следующим вечером мы с твоими родителями отправились на поезде в Бенарес. Прибыв на место на следующий день, мы взяли повозку, запряженную лошадьми, а затем нам пришлось идти пешком по узким улочкам к укромному убежищу моего гуру. Войдя в его маленькую гостиную, мы склонились перед мастером, как всегда сидевшим в позе лотоса. Он прищурился и устремил пронзительный взгляд на твоего Отца.

– Бхагабати, ты слишком строг к своему подчиненному!

Эту же фразу гуру произнес двумя днями ранее на поле в Горакхпуре. Он добавил:

– Я рад, что ты позволил Абинашу навестить меня и сам со своей женой тоже приехал.

К большой радости твоих родителей, мастер посвятил их обоим в духовную практику Крийя-йоги⁹. С того памятного дня, когда случилось это видение, мы с твоим Отцом стали соучениками и близкими друзьями. Лахири Махасайя про-

⁹ Крийя-йога – система медитации и дыхательных упражнений, которые уравнивают эмоциональное состояние человека, позволяя ему слиться с вселенским сознанием (см. главу 26).

явил особый интерес к факту твоего рождения. Твоя жизнь, несомненно, будет связана с его жизнью: благословение мастера никогда не утрачивает силу.

Лахири Махасайя покинул этот мир вскоре после моего появления на свет. Его фотография в изысканной рамке всегда украшала наш семейный алтарь в разных городах, куда Отца переводили по работе. Часто по утрам и вечерам мы с Матерью медитировали перед импровизированным святилищем, возлагая к нему цветы, пропитанные ароматным сандаловым маслом. Ладаном и миррой, а также нашими совместными молитвами мы чтили божественность, воплощением которой стал Лахири Махасайя.

Его фотография оказала огромное влияние на мою жизнь. По мере того, как я рос, мысль о мастере росла вместе со мной. Во время медитации я часто видел, как его фотографическое изображение выходит из маленькой рамки и, принимая облик живого человека, садится передо мной. Когда я пытался коснуться ступней его светящегося тела, оно рассеивалось и вновь превращалось в фотографию. Достигнув юношеских лет, я обнаружил, что представляю Лахири Махасайя уже не как маленький образ, заключенный в рамку, а как живое, вдохновляющее присутствие. В трудные моменты я часто молился ему и мысленно получал от него утешительные наставления. Вначале я горевал о том, что мастер покинул этот мир. Но когда я открыл для себя его незримое присутствие рядом в любом моменте, то перестал оплаки-

вать его смерть. Гуру часто писал тем из своих учеников, которым чересчур не терпелось увидеть его: «Зачем вам приходить, чтобы взглянуть на мое брненное тело, если я всегда нахожусь в пределах досягаемости вашей *кутастхи* (духовного взора)?»

Примерно в возрасте восьми лет я имел благословление пережить чудесное исцеление с помощью фотографии Лахири Махасайя. После этого моя любовь к мастеру стала сильнее. Когда мы жили в нашем семейном поместье в Ичапуре, в Бенгалии, я заболел азиатской холерой. Врачи испробовали все методы лечения и уже отчаялись спасти мою жизнь. Сидя на краю постели, Мать в отчаянии указала мне на фотографию Лахири Махасайя, висящую на стене над моей головой.

– Мысленно поклонись ему! – Мать понимала, что мне не хватит сил даже поднять руки в молитвенном жесте. – Если ты сумеешь выразить свою преданность и мысленно преклонишь перед ним колени, твоя жизнь будет спасена!

Я посмотрел на фотографию мастера и увидел ослепительный свет, окутавший мое тело и всю комнату. Тошнота и другие неподдающиеся лечению симптомы исчезли, и я выздоровел. Я сразу же почувствовал в себе достаточно сил, чтобы наклониться и коснуться ног Матери в знак признательности за ее безмерную веру в своего гуру. Мать несколько раз приникла лбом к маленькой фотографии.

– О Вездесущий Мастер, я благодарю вас за то, что ваш

свет исцелил моего сына!

Я понял, что Мать тоже видела ослепительное сияние, мгновенно излечившее меня от смертельной болезни.

Я храню эту фотографию как великую ценность. Лахири Махасайя лично подарил ее Отцу, и от нее исходят божественные вибрации. Фотография была сделана при удивительных обстоятельствах. Я узнал эту историю от Кали Кумара Роя, соученика моего Отца.

Похоже, что мастер очень не любил фотографироваться. Несмотря на его протесты, однажды была сделана групповая фотография, на которой его запечатлели вместе с группой последователей, включая Кали Кумара Роя. Каково же было изумление фотографа, когда тот обнаружил на снимке четкие изображения всех учеников и пустое место в центре, где должен был находиться Лахири Махасайя. Этот феномен широко обсуждался.

Однажды студент и опытный фотограф Ганга Дхар Бабу похвастался, что сумеет запечатлеть неуловимый образ мастера. На следующее утро, когда гуру сидел в позе лотоса на деревянной скамье с ширмой за спиной, к нему подкрался Ганга Дхар Бабу со своим оборудованием. Тщательно подготовившись, чтобы ничего не упустить, он с рвением сделал двенадцать снимков. На каждом из них вскоре отобразились деревянная скамья и ширма, но фигура мастера снова отсутствовала.

Со слезами и уязвленной гордостью Ганга Дхар Бабу об-

ратился к своему гуру. Прошло много часов, прежде чем Лахири Махасайя нарушил свое молчание многозначительным комментарием: «Я есть Дух. Может ли твоя камера запечатлеть нечто незримо присутствующее?»

– Теперь я понимаю, что не может! Но, Святой Господин, я преданно желаю получить изображение храма из плоти, который могу увидеть своим ограниченным взором и в котором этот Дух, похоже, полноправно обитает.

– Тогда приходи завтра утром. Я буду тебе позировать.

Фотограф снова настроил свою камеру. На этот раз священная фигура, больше не скрытая мистической неуловимостью, четко отобразилась на снимке. Больше мастер никогда не позировал фотографам; по крайней мере, я не встречал никаких других его снимков.

В этой книге есть данная фотография. Правильные черты лица Лахири Махасайя, универсальные для всех каст, едва ли позволяют предположить, к какой расе он принадлежал. Невероятная радость общения с Богом ненавязчиво проявляется в его слегка загадочной улыбке. Глаза полуоткрыты, чтобы показать условное внимание к событиям внешнего мира, но в то же время они полузакрыты. Будучи совершенно равнодушным к ничтожным земным соблазнам, мастер всегда с большим вниманием относился к духовным проблемам страждущих, которые приходили к нему за благословением.

Вскоре после того, как я исцелился при помощи неверо-

ятной силы фотографии гуру, у меня произошло важное духовное прозрение. Однажды утром, сидя на своей кровати, я погрузился в глубокую задумчивость.

«Что скрывается за темнотой закрытых глаз?» – эта любопытная мысль мощно завладела моим разумом. Внутренним взором я тут же увидел ослепительную вспышку света. Божественные образы святых, сидящих в позе медитации в горных пещерах, пронесли перед моими глазами подобно кадрам фильма, показанного на большом экране.

– Кто вы? – спросил я вслух.

– Мы – гималайские йоги, – божественные голоса, которые ответили мне, трудно описать; мое сердце трепетало.

– Как же я мечтаю отправиться в Гималаи и стать таким, как вы!

Видение исчезло, но серебристое сияние расходилось во все стороны кругами и растворялось в бесконечности.

– Что это за чудесное свечение?

– Я – Ишвара¹⁰. Я есть Свет, – голос напоминал шепот облаков.

– Я хочу быть единым целым с Тобой!

Божественный экстаз медленно угас, но я вдохновился на поиски Бога. «Он – бесконечная, всегда новая Радость!» Это воспоминание еще долго жило во мне после того упоитель-

¹⁰ Ишвара – имя Бога как Правителя вселенной; от санскритского корня «иш», что означает «править». В индуистских священных писаниях есть 108 имен Бога, каждое из которых несет в себе различный оттенок философского значения.

ного дня.

Навсегда осталось со мной и другое детское воспоминание – навсегда в буквальном смысле, потому что я ношу этот шрам по сей день.

Мать строго приказала мне больше никогда не использовать силу слов для причинения вреда.

Тем ранним утром мы с моей старшей сестрой Умой сидели под деревом *маргозы* во дворе нашего дома в Горакхпуре. Сестра помогала мне изучать бенгальский букварь, но я не мог оторвать взгляд от попугаев, которые неподалеку поедали спелые плоды маргозы. Ума пожаловалась на фурункул на ноге и принесла баночку с мазью. Я намазал немного средства на свое предплечье.

– Зачем ты нанес лекарство на здоровую руку?

– Видишь ли, сестренка, я предчувствую, что завтра у меня вскочит фурункул. Я проверяю твою мазь на том месте, где он появится.

– Маленький врунишка!

– Сестренка, не называй меня врунишкой, пока не увидишь, что произойдет утром! – ответил я с негодованием.

На Уму это не произвело впечатления, и она трижды повторила свою насмешку. Непреклонная решимость звучала в моем голосе, когда я медленно ответил:

– Силой воли, дарованной мне свыше, я утверждаю, что завтра именно в этом месте на руке у меня появится большой фурункул, а *твой* – увеличится в два раза!

Наутро у меня вскочил большой фурункул на указанном месте. Фурункул Умы распух в два раза больше. С воплем моя сестра бросилась к Матери: «Мукунда стал колдуном!» Мать строго приказала мне больше никогда не использовать силу слов для причинения вреда. Я навсегда запомнил ее мудрую рекомендацию и с тех пор следовал ей.

Мой фурункул вылечили хирургическим путем. После небольшой операции остался шрам, заметный и по сей день. На моем правом предплечье хранится постоянное напоминание о силе простого человеческого слова.

Несложные и, казалось бы, безобидные слова, которые я с глубокой сосредоточенностью сказал своей сестре Уме, обладали достаточной скрытой силой, чтобы произвести эффект разорвавшейся бомбы. Позже я понял, что взрывную вибрационную силу речи можно мудро направить на избавление своей жизни от трудностей. Тогда получится обойтись без шрамов и родительских упреков¹¹.

¹¹ Бесконечная сила звука истекает из Сакрального Слова Ом, космической вибрационной силы, из которой берут начало все виды атомной энергии. Любое слово, произнесенное с ясным осознанием и глубокой концентрацией, способно материализоваться. Повторение вслух или про себя вдохновляющих слов было

Взрывную вибрационную силу речи можно мудро направить на избавление своей жизни от трудностей.

Наша семья переехала в Лахор в Пенджабе. Там я приобрел изображение Божественной Матери в образе Богини Кали¹² и дополнил им маленькое самодельное святилище на балконе нашего дома. Мной овладела непоколебимая уверенность, что все мои молитвы, произнесенные в этом священном месте, будут исполнены. Однажды, стоя на балконе вместе с Умой, я наблюдал за двумя воздушными змеями,

признано эффективным в учении Эмиля Куэ и подобных техниках психотерапии. Секрет заключается в увеличении частоты мыслительных вибраций. Поэт Теннисон описывал в своих «Мемуарах», как при помощи повторения слов выходил за пределы сознательного ума в сверхсознание: «Это началось еще в детстве, когда я оставался наедине с собой. Часто во время бодрствования я входил в своеобразный транс (трудно описать это состояние другими словами). Я начинал с того, что беззвучно повторял собственное имя, пока внезапно мое личностное сознание не концентрировалось настолько, что сама личность как бы растворялась и исчезала в безграничности бытия. При этом меня охватывало не смятение, а очень четкое осознание происходящего, которое совершенно невозможно описать словами. Смерть выглядела смехотворно невероятной, а исчезновение личности (если это можно так назвать) выглядело не потерей жизни, а единственно возможной настоящей жизнью». Далее Теннисон писал: «Это не смутный экстаз, а состояние необыкновенного удивления абсолютной ясностью ума».

¹² Кали символизирует Бога в образе бессмертной Матери-Природы.

которые парили над крышами зданий на противоположной стороне узкого переулка.

– Почему ты притих? – Ума игриво толкнула меня.

– Я просто думаю о том, как это замечательно, что Божественная Мать дает мне все, о чем я прошу.

– Хочешь сказать, что она подарила бы тебе и тех воздушных змеев?! – моя сестра иронично рассмеялась.

– Почему нет? – я начал безмолвно молиться о том, чтобы получить их.

В Индии проводят соревнования воздушных змеев, по традиции покрывая их нити клеем и толченым стеклом. Каждый игрок пытается перерезать нить соперника. Освобожденный воздушный змей парит над крышами, ловить его очень весело. Поскольку мы с Умой находились на балконе, у нас не было ни одного шанса поймать воздушного змея. Он, естественно, взлетел бы над крышами.

Игроки на противоположной стороне улицы начали соревнования. Как только лопнула нить, воздушный змей тут же полетел в мою сторону. Резкий порыв ветра бросил его на кактус, растущий на крыше дома напротив. Обрывок нити образовал петлю, до которой я смог дотянуться. Я вручил приз Уме.

– Это просто необычное совпадение, а не ответ на твою молитву. Если еще один змей прилетит к тебе, тогда я поверю, – в темных глазах моей сестры сквозило больше изумления, чем в ее голосе.

Я принялся молиться с удвоенной силой. Другой игрок слишком натянул нить, и его воздушный змей оторвался. Змей направился ко мне, танцуя на ветру. Мой услужливый помощник, кактус, снова перехватил воздушного змея, чтобы я мог ухватиться за нить. Я вручил свой второй трофей Уме.

– Воистину, Божественная Мать слышит тебя! Для меня все это абсолютно необъяснимо! – и сестра бросилась прочь, как испуганный олененок.

Глава 2

Смерть моей Матери и мистический амулет

Больше всего на свете Мать желала, чтобы мой старший брат женился.

– Ах, когда я увижу лицо жены Ананты, я обрету рай на земле! – я часто слышал, как Мать подобным образом выражала присущее индийцам стремление укрепить и расширить семейное древо.

Мне было примерно одиннадцать лет, когда Ананта обручился. Мать уехала в Калькутту заниматься радостными предсвадебными хлопотами. Мы с Отцом остались вдвоем в нашем доме в Барели. Сюда, на север Индии, Отца перевели после двух лет службы в Лахоре.

Прежде мне уже доводилось присутствовать на двух великолепных свадебных торжествах, когда замуж вышли мои старшие сестры, Рома и Ума. Но в честь бракосочетания Ананты как старшего сына планировался по-настоящему грандиозный праздник. Мать принимала многочисленных родственников, ежедневно прибывающих в Калькутту издалека. Она разместила их с комфортом в большом, недавно приобретенном доме на Амхерст-стрит, 50. Все было готово: угощения для свадебного стола, забавный трон, на котором

моего брата должны были доставить в дом будущей невесты, разноцветные гирлянды, гигантские картонные слоны и верблюды, приглашены английские, шотландские и индийские музыканты, профессиональные артисты, священнослужители для проведения древних ритуалов.

Мы с Отцом, пребывая в праздничном настроении, планировали присоединиться к семье как раз к началу церемонии. Однако незадолго до дня торжества у меня случилось зловещее видение.

Это произошло в Барели в полночь. Я спал рядом с Отцом на веранде нашего бунгало, и меня разбудило странное трепетание занавески от москитов, укрепленной над кроватью. Тонкие шторы раздвинулись, и я увидел образ своей любимой Матери.

– Разбуди Отца! – едва слышно прошептала она. – Садитесь на самый ранний поезд, который отходит сегодня в четыре часа утра. Поторопитесь в Калькутту, если хотите заставить меня живой!

Призрачная фигура исчезла.

– Отец, Отец! Мать умирает! – мой голос звенел от ужаса, и Отец моментально проснулся. Рыдая, я сообщил ему роковую весть.

– Тебе это просто приснилось, – Отец, как всегда, отрицал грядущие перемены в жизни. – У твоей Матери отменное здоровье. Если мы завтра получим плохие новости, то сразу же отправимся в путь.

– Ты никогда не простишь себе, если не поедешь к ней прямо сейчас!

Мучительные страдания заставили меня с горечью добавить:

– И я никогда не прощу тебе этого!

Наше утро было омрачено недвусмысленным посланием: «Мать опасно больна. Свадьба откладывается. Приезжайте немедленно».

Мы с Отцом выехали, пребывая в смятении. Один из моих дядей присоединился к нам на пересадочном пункте. По рельсам загрохотал поезд, все увеличиваясь по мере приближения. Охваченный переживаниями, я внезапно решил броситься на железнодорожные пути. Я чувствовал, что уже лишился Матери, и не мог вынести мысли, что мир внезапно опустел без нее. Я любил Мать как самого дорогого друга на земле. Взглядом своих черных глаз она умела утешить меня в минуты случавшихся со мной в детстве мимолетных огорчений.

– Она еще жива? – перед прыжком решил я напоследок спросить у своего дяди.

– Конечно, жива! – он видел отчаяние, написанное на моем лице. Но я едва ли поверил ему.

**Я любил Мать как самого
дорогого друга на земле.**

Когда мы добрались до нашего дома в Калькутте, там нас ждало лишь ошеломляющее таинство смерти. Я впал в почти безжизненное состояние. Прошли годы, прежде чем мое сердце смогло хоть как-то смириться с потерей. Мой плач достиг самых врат рая, в итоге призвав Божественную Мать. Ее слова окончательно исцелили мои гноящиеся раны: «Это я присматривала за тобой, в каждой жизни воплощаясь в нежную мать для тебя! Узнай в моем взоре взгляд тех черных глаз, утраченных прекрасных глаз, которые ты ищешь!»

Предав обряду кремации мою горячо любимую Мать, мы с Отцом вскоре вернулись в Барели. Каждый день на рассвете я совершал трогательное паломничество к большому дереву *шеоли*, отбрасывавшему тень на ровную золотисто-зеленую лужайку перед нашим бунгало. В моменты вдохновения мне казалось, что белые цветы *шеоли* с готовностью и преданностью падают на покрытый травой алтарь. Смешивая слезы с росой, я часто наблюдал странный потусторонний свет, исходящий от рассветного солнца. Меня наполняла острая боль тоски по Богу. Я испытывал сильное желание

отправиться в Гималаи.

Меня наполняла острая боль тоски по Богу. Я испытывал сильное желание отправиться в Гималаи.

Один из моих кузенов, только что вернувшийся из путешествия по священным горам, навестил нас в Барели. Я жадно слушал его рассказы о высокогорной обители йогов и свами¹³.

– Давай убежим в Гималаи, – однажды предложил я Дварке Прасаду, младшему сыну владельца арендуемого нами дома в Барели, но тот не проникся перспективой путешествия и все рассказал моему старшему брату, который как раз приехал повидаться с Отцом. Вместо того чтобы добродушно посмеяться над этой неосуществимой выдумкой маленького мальчика, Ананта намеренно поднял меня на смех.

– Где твое оранжевое одеяние? Без него ты не сможешь быть свами!

Но, как ни странно, слова брата возбудили мое воображение. Я отчетливо представил себе, как стал монахом и стран-

¹³ Санскритский корень слова «свами» означает «тот, кто един со своим „Я“ (Сва)». Применительно к члену индийского монашеского ордена этот титул имеет формальное значение «преподобный».

ствую по Индии. Возможно, во мне пробудились воспоминания о прошлых жизнях. В любом случае, я постепенно осознал, что родился для того, чтобы носить одеяние этого основанного в древности монашеского ордена.

Беседуя однажды утром с Дваркой, я почувствовал, как любовь к Богу снисходит на меня мощной лавиной, и разразился пылкой речью. Мой собеседник не особо обратил на это внимание, но я всем сердцем прислушивался к себе.

В тот день я бросился бежать в сторону Найнитала, расположенного в предгорьях Гималаев. Ананта решительно пустился в погоню и нагнал меня. Я был вынужден с грустью вернуться в Барели. Мне разрешили совершать паломничество лишь к дереву *шеоли*, к которому я привык ходить на рассвете. Мое сердце оплакивало утраченных Матерей: земную и небесную.

Мое сердце оплакивало утраченных Матерей: земную и небесную.

Смерть Матери оставила зияющую дыру в когда-то прочном полотне нашей семьи, и эта утрата была невозполнима. Отец так и не женился повторно, хотя прожил еще почти сорок лет. Взвалив на себя трудную обязанность быть и От-

цом, и Матерью для стайки своих детишек, он стал заметно нежнее и ближе к нам. К решению различных семейных проблем Отец подходил спокойно и мудро. Каждый вечер, вернувшись с работы, он уединялся в своей комнате, словно отшельник в келье, и в сладостной безмятежности практиковал Крийя-йогу. Спустя многие годы после смерти Матери я попытался нанять английскую медсестру, чтобы она заботилась о моем родителе и сделала его жизнь более комфортной. Но Отец только покачал головой.

Рис. 4. Мать. Ученица Лахири Махасайя

– Никто не сможет позаботиться обо мне так, как твоя Мать, – его взгляд затуманился воспоминаниями о любви всей его жизни. – Я не приму помощи ни от какой другой женщины.

Через четырнадцать месяцев после смерти Матери я узнал, что она оставила мне важное послание.

Через четырнадцать месяцев после смерти Матери я узнал, что она оставила мне важное послание. Ананта был у ее смертного одра и записал ее слова. Хотя Мать просила передать мне ее напутствие через год, мой брат задержался с выполнением поручения. Вскоре ему предстояло уехать из Барели в Калькутту и жениться на девушке, которую выбрала для него наша Мать¹⁴. Однажды вечером он подозвал меня к себе.

– Мукунда, долгое время я не решался передать тебе такое необычное послание, – виноватым тоном начал Ананта. – Я

¹⁴ Времена идут, но индийский обычай, согласно которому родители выбирают спутника жизни для своего ребенка, остается неизменным. И в Индии по-прежнему высок процент счастливых браков.

боялся разжечь в тебе желание покинуть дом. Но ты в любом случае полон божественного пыла. Когда в тот раз я перехватил тебя на пути в Гималаи, мне открылась очевидная истина. Я не должен больше откладывать выполнение своего торжественного обещания.

С этими словами брат вручил мне маленькую коробочку и передал послание Матери:

«Пусть эти слова станут моим последним благословением, мой возлюбленный сын Мукунда! Пришла пора мне поведать о череде необыкновенных событий, которые произошли после твоего рождения. Я узнала о предначертанном тебе пути, еще когда ты был младенцем у меня на руках. Тогда я принесла тебя в дом моего гуру в Бенаресе. Стоя позади целой толпы учеников, я едва могла видеть Лахири Махасайя, который находился в глубокой медитации.

Баюкая тебя, я молилась, чтобы великий гуру обратил на нас внимание и даровал благословение. Я безмолвно обращалась к нему во все более пылкой молитве, и тут учитель открыл глаза и жестом пригласил меня подойти. Остальные ученики расступились передо мной, я преклонилась перед священными стопами. Мой наставник посадил тебя к себе на колени и положил ладонь тебе на лоб, как бы совершая духовное крещение: „Юная Мать, твой сын будет йогом. В качестве духовного посредника он доставит множество душ в Царство Божье“.

Мое сердце подпрыгнуло от радости, когда я поняла, что

всезнающий гуру исполнил мои тайные молитвы. Незадолго до твоего рождения он говорил мне, что ты пойдешь по его стопам.

Позже, сынок, мы с твоей сестрой Ромой узнали, что ты видел Великий Свет. Из соседней комнаты мы наблюдали, как ты неподвижно лежал на кровати. Твое маленькое личико сияло, твой голос звенел железной решимостью, когда ты говорил о том, что хочешь отправиться в Гималаи в поисках Божественного.

Именно так, дорогой сын, я и поняла, что твой путь простирается вдали от мирских амбиций. Самое необычное пророчество в моей жизни подтвердил еще один случай, который и побудил меня оставить тебе предсмертное послание.

Однажды мне довелось беседовать с мудрецом из Пенджаба. В то время наша семья жила в Лахоре, и как-то утром слуга без стука ворвался в мою комнату и воскликнул: „Госпожа, к вам пришел странный *садху*¹⁵. Он настаивает на том, чтобы поговорить с Матерью Мукунды“.

Юная Мать, твой сын будет йогом. В качестве духовного посредника он

¹⁵ Отшельник; тот, кто следует садхане, или пути духовной дисциплины.

доставит множество душ в Царство Божье.

Эти простые слова задели в моей душе какую-то струну. Я сразу вышла, чтобы поприветствовать гостя. Склонившись к его ногам, я почувствовала, что передо мной истинный Божий человек. „Мать, – сказал он, – великие мастера хотят, чтобы ты знала, что твое пребывание на земле скоро завершится. Твоя следующая болезнь унесет твою жизнь¹⁶“.

Мудрец умолк, но я не чувствовала тревоги, на меня снизошло невероятное умиротворение. Наконец он снова обратился ко мне: „Тебе суждено стать хранительницей особенного серебряного амулета. Я не принес его сегодня. Чтобы продемонстрировать правдивость моих слов, талисман материализуется в твоих руках завтра во время медитации. На смертном одре ты должна поручить своему старшему сыну Ананте хранить амулет в течение года, а затем передать его твоему второму сыну. Мукунда поймет значение талисмана от великих. Он должен получить это примерно в то время, когда будет готов отречься от всех мирских надежд и встать на предсказанный ему путь поиска Бога. Пусть он хранит амулет при себе какое-то время, и когда талисман послужит своей цели, он исчезнет. Даже если он будет храниться в самом потайном месте, он вернется туда, откуда появился“.

¹⁶ Когда после этих слов я понял, что Мать втайне знала о приближении своей смерти, я впервые сообразил, почему она так настойчиво желала поскорее сыграть свадьбу Ананты. Хотя она умерла до самого торжества, ей, как и любой матери, хотелось присутствовать при проведении древних обрядов.

Я протянула святому¹⁷ подаяние и склонилась перед ним в великом почтении. Не взяв подношения, он благословил меня и удалился. На следующий вечер, когда я сидела, сложив руки в медитации, между моими ладонями, как и обещал *садху*, материализовался серебряный амулет, холодный и гладкий. Я берегла его как зеницу ока более двух лет, а теперь оставляю на хранение Ананте. Не печалься обо мне, поскольку мой великий гуру сопровождает меня в объятия Бесконечности. Прощай, дитя мое. Небесная Мать защитит тебя».

Едва я взял в руки амулет, как на меня снизошла вспышка озарения, многие дремлющие воспоминания пробудились. Круглый и по виду очень древний талисман был покрыт санскритскими письменами. Я понял, что мне передали его наставники из прошлых жизней, которые незримо направляли мои шаги. Таилось в нем и что-то еще, но суть амулета так и не была до конца раскрыта.

**Едва я взял в руки амулет,
как на меня снизошла вспышка озарения, многие
дремлющие воспоминания пробудились.**

Как талисман исчез при глубоко трагичных обстоятель-

¹⁷ Традиционный жест уважения к садху.

ствах моей жизни и как его потеря привела меня к моему гуру, я расскажу в последующих главах.

Но маленький мальчик, потерпев неудачу в попытке достичь Гималаев, ежедневно совершал далекие путешествия на крыльях своего амулета.

Глава 3

Святой с двумя телами

– Отец, если я пообещаю вернуться домой без дополнительных напоминаний, можно мне съездить посмотреть Бенарес?

Отец редко препятствовал моей непреодолимой любви к путешествиям. Даже когда я был еще мальчишкой, он позволял мне посещать различные города и места паломничества. Обычно я отправлялся в поездку с кем-то из друзей. Отец обеспечивал нас билетами в вагоны первого класса. Кочевникам нашей семьи играла на руку его должность управляющего на железной дороге.

Отец пообещал обдумать мою просьбу. На следующий день он позвонил мне и вручил билеты из Барели в Бенарес и обратно, несколько денежных банкнот и два письма.

– У меня есть деловое предложение к одному другу из Бенареса, Кедару Натху Бабу. К сожалению, я потерял его адрес. Но, думаю, ты сможешь передать ему это письмо с помощью нашего общего друга, Свами Пранабананды. Этот свами, мой соученик, достиг высокого духовного просветления. Общение с ним пойдет тебе на пользу. Второе письмо – для него, там я дал тебе необходимые рекомендации.

Глаза Отца блеснули, когда он добавил:

– Имей в виду, больше никаких побегов из дома!

С энтузиазмом, присущим мне, двенадцатилетнему, я отправился в путь (хотя и потом, на протяжении всей жизни, я не утратил способности восторгаться новыми местами и знакомствами). Добравшись до Бенареса, я сразу же направился в жилище свами. Входная дверь была открыта, я поднялся в длинную, похожую на коридор комнату на втором этаже. Довольно полный мужчина в одной набедренной повязке сидел в позе лотоса на небольшом возвышении. Его голова и гладкое, без морщин лицо были чисто выбриты, на губах играла блаженная улыбка. Я не успел ощутить себя незваным гостем, который зашел в дом без приглашения, потому что свами тут же поприветствовал меня как старого друга.

– *Баба ананд!* – что означало «будь счастлив, мой дорогой». Приветствие было произнесено сердечным, искренним голосом. Я опустился на колени и коснулся его стоп.

Рис. 5. Свами Пранабананда. «Святой с двумя телами». Прославленный ученик Лахири Махасайя

– Это вы – Свами Пранабананда?

Он кивнул.

– А ты – сын Бхагабати?

Его слова прозвучали прежде, чем я успел достать из кармана отцовское письмо. В изумлении я протянул свами рекомендательное письмо, которое теперь казалось ненужным.

– Конечно же, я подскажу тебе, где живет Кедар Натх Бабу.

Святой снова удивил меня своим ясновидением. Он взглянул на письмо и с теплотой отозвался о моем родителе.

– Видишь ли, я имею счастье получать сразу две пенсии. Одну – по рекомендации твоего Отца, на которого я когда-то работал в железнодорожной компании. Другую – по рекомендации моего Небесного Отца, ради которого я добровольно оставил свои земные обязанности.

– Какую же пенсию, господин, вы получаете от Небесного Отца? – пришел в недоумение я. – Неужели он прямо с неба кидает вам деньги?

Свами рассмеялся.

– Под этой пенсией я имею в виду безграничный покой – награду за многие годы глубокой медитации. Я уже давно не жажду денег. Мои скромные материальные потребности полностью удовлетворены. Позже ты поймешь важность второй пенсии.

Внезапно прервав наш разговор, святой стал абсолютно

неподвижен. В этот момент он чем-то напомнил мне сфинкса. Сначала его глаза заблестели, как будто он заметил что-то интересное, затем потускнели. Я был смущен резким прекращением беседы, свами еще не объяснил, как мне встретиться с другом Отца. Слегка обеспокоенный, я оглядел пустую комнату, в которой не было никого, кроме нас двоих. Мой блуждающий взгляд упал на деревянные сандалии, стоявшие у возвышения, на котором сидел свами.

– Маленький господин¹⁸, не волнуйся. Человек, которого ты хочешь видеть, будет здесь через полчаса.

Йог читал мои мысли – в тот момент это было не так уж и трудно!

Он снова погрузился в загадочное молчание. Бросив взгляд на свои часы, я увидел, что прошло уже тридцать минут.

Свами встрепенулся.

– Полагаю, Кедар Натх Бабу уже у порога.

Я услышал, как кто-то поднимается по лестнице. Внезапно меня охватило изумление, мысли лихорадочно заметались. Я недоумевал: «Как свами удалось пригласить сюда друга моего Отца, не отправляя за ним посыльного? Ведь с момента, как я пришел, свами не разговаривал ни с кем, кроме меня!»

Я выбежал из комнаты и спустился по ступенькам. На пол-

¹⁸ Многие индийские святые обращались ко мне словами Чото Махасайя, что переводится как «маленький господин».

пути я встретил худощавого светлокожего мужчину среднего роста. Казалось, он очень спешил.

– Вы – Кедар Натх Бабу? – спросил я дрожащим от волнения голосом.

– Да. А разве ты не сын Бхагабати, который ждал здесь встречи со мной? – мужчина дружелюбно улыбнулся.

– Господин, как вы поняли, что нужно прийти сюда? – меня переполняли смущение и негодование, потому что я ничем не мог объяснить его появление здесь.

– Сегодняшний день полон таинственных событий! Чуть менее часа назад я заканчивал омовение в Ганге, когда ко мне подошел Свами Пранабананда. Понятия не имею, как он узнал, где меня искать. «Сын Бхагабати ждет тебя у меня дома, – сообщил он. – Ты пойдешь со мной?» Я с радостью согласился. Мы пошли бок о бок, но затем свами в своих деревянных сандалиях, как ни странно, смог уйти далеко вперед, хотя сегодня я надел эти прочные и удобные туфли. Внезапно Пранабанандаджи остановился и дождался меня, чтобы задать вопрос: «Сколько времени тебе потребуется, чтобы добраться до моего дома?» Я ответил: «Примерно полчаса». – «У меня есть еще кое-какие дела, – он бросил на меня загадочный взгляд. – Я должен оставить тебя. Мы с сыном Бхагабати будем ждать тебя у меня дома». Прежде чем я успел возразить, он стремительно пронесся мимо меня и исчез в толпе. Я шел сюда так быстро, как только мог.

Этот рассказ лишь усилил мое недоумение. Я спросил, как

давно он знает свами.

– В прошлом году мы виделись несколько раз, но с тех пор не встречались. Я был очень рад снова увидеть свами, когда он появился сегодня на *ghate*¹⁹.

– Не могу поверить своим ушам! Неужели я схожу с ума? Свами явился к вам в видении или вы в реальности видели его, касались его руки и слышали звук его шагов?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь! – он сердито покраснел. – Я не лгу тебе. Неужели ты не понимаешь, что только от свами я мог узнать, что ты ждешь меня здесь?

– Но ведь этот человек, Свами Пранабананда, ни на минуту не покидал меня с тех пор, как примерно час назад я сюда пришел! – как на духу выпалил я.

Его глаза широко раскрылись.

– Живем ли мы в этом физическом мире или просто спим? Я никогда не думал, что своими глазами увижу такое чудо! Я считал этого свами обычным человеком, а теперь обнаружил, что он может материализовать свое тело в другом месте, и это тело будет ходить и разговаривать!

Вместе мы вошли в комнату святого.

– Смотри, это те самые сандалии, в которых он пришел на *ghat*, – прошептал Кедар Натх Бабу. – Он был одет только в набедренную повязку, точно так же, как и сейчас.

Когда гость склонился перед хозяином дома, святой с иро-

¹⁹ Гхат – каменное ступенчатое сооружение, служащее для ритуального омовения индуистов и/или как место кремации. – *Прим. пер.*

ничной улыбкой повернулся ко мне.

– Почему ты так изумлен этим открытием? Истинным йогам доступны одновременно все уголки материального мира. В любой момент я могу увидеть своих учеников в далекой Калькутте и побеседовать с ними. Точно так же они могут по своему желанию покинуть бренное тело и преодолевать любые расстояния.

Истинные йоги могут по своему желанию покинуть бренное тело и преодолевать любые расстояния.

Вероятно, стремясь пробудить духовный пыл в моей юной груди, свами снизошел до того, чтобы рассказать мне о своих способностях ясновидения и яснослышания²⁰. Но вместо

²⁰ Физическая наука по-своему подтверждает достоверность законов, открытых йогами с помощью ментальной науки. Например, 26 ноября 1934 года в Королевском университете Рима была проведена наглядная демонстрация того, что человек обладает рентгеновским зрением. «Доктор Джузеппе Каллигарис, профессор нейропсихологии, нажимал на определенные точки тела испытуемого, а в ответ испытуемый подробно описывал людей и предметы, скрытые за стеной. Др. Каллигарис объяснил своим коллегам, что если стимулировать определенные участки кожи, то у испытуемого открываются способности обостренного восприятия окружающего мира, и это позволяет ему видеть объекты, которые не находятся в прямой зоне видимости. Для того чтобы испытуемый смог увидеть предметы по другую сторону стены, профессор Каллигарис в течение пятнадцати ми-

энтузиазма я испытал лишь благоговейный страх. Поскольку мне заранее было предначертано искать свой путь к Богу под руководством определенного гуру – Шри Юктешвара, которого на тот момент я еще не повстречал, я не испытывал желания принять Пранабананду в качестве своего учителя. Я с сомнением взглянул на него, пытаясь понять, находится ли он передо мной во плоти или предстал лишь в образе видения.

Мастер попытался развеять мои сомнения, одарив меня приободряющим взглядом и добавив несколько воодушевляющих слов о своем гуру.

– Лахири Махасайя был величайшим йогом, которого я когда-либо знал. Он был воплощением Самого Божества в физическом теле.

Если ученик, размышляя я, может по своему желанию материализовать тело в другом месте, какие же чудеса тогда под силу его учителю?

Несмотря на мое

нут нажимал на точку, расположенную на правой стороне грудной клетки. Доктор Каллигарис отметил, что если стимулировать некоторые другие участки тела, то испытуемый сможет видеть объекты на любом расстоянии, независимо от того, видел ли он их когда-либо прежде».

сверхчеловеческое стремление, я понимал, что мне отказано в окончательном и неразрывном союзе с Богом.

– Я поведаю тебе, насколько бесценна помощь гуру. Раньше я каждую ночь по восемь часов подряд медитировал вместе с другим учеником моего наставника. Днем нам приходилось работать в железнодорожной компании. У меня не лежала душа к выполнению рабочих обязанностей, я желал посвятить все свое время Богу. В течение восьми лет я упорствовал, медитируя полночи, и достиг замечательных результатов. Потрясающее духовное откровение осветило мой разум. Но между мной и Бесконечностью всегда стояла едва заметная преграда. Несмотря на мое сверхчеловеческое стремление, я понимал, что мне отказано в окончательном и неразрывном союзе с Богом. Однажды вечером я нанес визит Лахири Махасайя и умолял его стать моим духовным заступником. Я не уставал просить его всю ночь. «Ангельский Гуру, мои духовные страдания так велики, что я не смогу дальше жить без личной встречи с Великим Возлюбленным!» – «Что я могу поделаться? Ты должен медитировать более усердно». – «Я взываю к Тебе, о Бог мой Наставник! Я вижу Тебя, материализовавшегося передо мной в физическом теле. Благослови меня, чтобы я мог узреть Тебя и в незримой форме!» Лахири Махасайя сжалился и простер ко мне руку: «Теперь иди домой и медитируй. Я замолвил за тебя слово перед

Брахмой²¹». Безмерно воодушевленный, я вернулся домой. Медитируя той ночью, я достиг главной цели своей жизни. Теперь я непрерывно наслаждаюсь духовной пенсией. С того дня Благодатный Творец больше никогда не скрывался от меня за какой-либо иллюзорной преградой.

Лицо Пранабананды излучало божественный свет. Покой иного мира вошел в мое сердце, страх исчез. Святой добавил еще одно признание.

– Несколько месяцев спустя я вернулся к Лахири Махасайя и попытался поблагодарить его за то, что с его милостью сумел прикоснуться к Бесконечности. Затем я затронул другую тему. «Божественный Гуру, я больше не могу работать в офисе. Пожалуйста, освободи меня от этого. Браhma пьянит все мои мысли». – «Подай заявление, что хочешь уйти на пенсию». – «Но какую причину мне указать для столь раннего ухода на пенсию?» – «Напиши о том, что чувствуешь».

На следующий день я подал заявление. Врач поинтересовался причинами моего желания оставить место работы в таком возрасте. «Во время работы я ощущаю, как нечто непреодолимое нарастает в позвоночнике²². Это ощущение охва-

²¹ Браhma – Бог в его аспекте Творца; от санскритского корня «брах» – расширять. Когда в 1857 году в журнале «Atlantic Monthly» появилось стихотворение Эмерсона «Брахма», большинство читателей пришли в недоумение. Эмерсон усмехнулся: «Скажите им, чтобы они читали „Иегова“ вместо „Брахма“, и они не почувствуют никакого замешательства».

²² В глубокой медитации Дух прежде всего является на алтаре позвоночника, а затем уже – в мозге. Мощное блаженство ошеломляет, но йог учится контроли-

тывает все мое тело, не позволяя мне полноценно выполнять свои должностные обязанности». Без дальнейших расспросов врач дал рекомендации для назначения мне пенсии, которую я вскоре получил. Я знаю, что это божественная воля Лахири Махасайя руководила действиями доктора и железнодорожных чиновников, включая твоего Отца. Они машинально подчинились духовным указаниям великого гуру и освободили меня от работы, чтобы я посвятил жизнь непрерывному общению с Возлюбленным²³.

**Тебе начертано посвятить
свою жизнь пути отречения и йоги.**

После этого поразительного откровения Свами Пранабананда вновь погрузился в долгое молчание. Когда я прощался, благоговейно коснувшись его стоп, он дал мне свое благословение:

– Тебе начертано посвятить свою жизнь пути отречения и йоги. Я еще увижу тебя и твоего Отца, когда придет время. Прошли годы, и оба эти предсказания исполнились²⁴.

ровать его внешние проявления.

²³ После ухода на пенсию Пранабананда написал одно из самых глубокомысленных толкований к Бхагавад-гите, доступное на бенгальском и хинди.

²⁴ См. главу 27.

Кедар Натх Бабу шел рядом со мной в сгущающейся темноте. Я передал письмо Отца, которое мой спутник прочитал при свете уличного фонаря.

– Твой Отец предлагает мне занять должность в Калькуттском офисе его железнодорожной компании. Как бы я хотел получать хотя бы одну из пенсий, которыми наслаждается Свами Пранабананда! Но это невозможно, я не могу покинуть Бенарес. Увы, но я еще не научился материализовать в другом месте свое второе тело!

Глава 4

Мой неудавшийся побег в Гималаи

«Выйди из класса под каким-нибудь пустяковым предлогом и возьми наемный экипаж. Жди меня в переулке, где никто из моих домашних не сможет тебя увидеть», – так напоследок проинструктировал я Амара Миттера, своего школьного товарища, с которым мы вместе решили бежать в Гималаи.

Отправиться в путь мы планировали на следующий день. Приходилось проявлять большую осторожность в подготовке, поскольку Ананта не терял бдительности. Брат был полон решимости сорвать планы побега, которые, как он подозревал, были у меня на уме. Амулет, подобно духовному источнику силы, незримо подпитывал меня. Среди гималайских снегов я надеялся найти мастера, чье лицо часто являлось мне в видениях.

Среди гималайских снегов я надеялся найти мастера, чье лицо часто являлось мне в видениях.

Наша семья теперь жила в Калькутте, куда Отца перевели на постоянное место работы. Следуя патриархальному индийскому обычаю, Ананта привел свою невесту жить в наш дом, который теперь находился на Гурпарроуд, 4. Там, в маленькой комнатке на чердаке, я занимался ежедневными медитациями и готовил свой разум к поиску Бога.

В то памятное утро пошел дождь – зловещее предзнаменование. Услышав на дороге стук колес экипажа Амара, я поспешно завернул в одеяло пару сандалий, фотографию Лахири Махасайя, экземпляр *Бхагавад-гиты*, молитвенные четки и две набедренные повязки. Этот сверток я выбросил из своего окна на третьем этаже. Затем сбегал вниз по ступенькам и прошел мимо своего дяди, покупавшего у уличного торговца рыбу.

– Чем ты так взволнован? – дядя с подозрением окинул меня пристальным взглядом.

Я ответил ему уклончивой улыбкой и направился в переулок. Подобрал свой сверток, я с осторожностью заговорщика забрался в экипаж к Амару. Мы отправились на большой и оживленный рынок Чандни Чоук. Несколько месяцев подряд мы экономили на школьных завтраках, откладывая карманные деньги на покупку английской одежды. Зная, что мой сообразительный брат может пойти по нашему следу не хуже какого-нибудь детектива, мы решили перехитрить его, переодевшись в европейские наряды.

По пути на станцию мы подобрали моего двоюродного

брата Джотина Гхоша, которого я называл Джатиндой. Он был новообращенным, страстно желавшим обрести гуру в Гималаях. Мой кузен облачился в новый наряд, который был у нас наготове. Мы надеялись, что теперь нас никто не узнает! Глубокий восторг овладел нашими сердцами.

– Нам осталось лишь приобрести парусиновые туфли, – я повел своих спутников в магазин, где продавалась обувь на резиновой подошве.

– Изделия из кожи убитых животных нельзя брать с собой в священное путешествие.

Я остановился посреди улицы, чтобы снять кожаную обложку с экземпляра *Бхагавад-гиты* и убрать кожаные ремешки с *sola topee* (пробкового шлема, модного среди англичан).

На вокзале мы купили билеты до Бурдвана, где планировали пересесть на поезд, идущий в Хардвар, расположенный в предгорьях Гималаев. Как только поезд вместе с нами покинул родные места, я поделился с друзьями своими красочными ожиданиями.

– Только представьте! – воскликнул я. – Мастера проведут с нами обряд посвящения, и мы ощутим экстаз неземного сознания. Наши тела будут заряжены таким магнетизмом, что дикие животные Гималаев станут вести себя с нами, как ручные. Тигры превратятся в кротких домашних кошек, ожидающих нашей ласки!

Нарисованная мной перспектива, которую я считал чару-

ющей как в переносном, так и в буквальном смысле, вызвала восторженную улыбку у Амара. Но Джатинда отвернулся и уставился в окно поезда на проносящийся мимо пейзаж.

– Давайте поделим наши деньги на три равные части, – этим предложением Джатинда нарушил продолжительное молчание. – Пусть каждый из нас сам купит себе билет в Бурдване. Тогда никто на станции не догадается, что мы убегаем вместе.

Я был сильно огорчен, потрясен до странного оцепенения. Неужели Бог допустил такое ужасное происшествие!

Не подозревая никакого подвоха, я согласился. В сумерках наш поезд остановился в Бурдване. Джатинда отправился в билетную кассу, мы с Амаром сидели на платформе. Мы подождали пятнадцать минут, затем попытались разыскать друга, но безуспешно. Бросаясь из стороны в сторону, мы в испуге без конца выкрикивали имя Джатинды. Но он бесследно растворился в темноте, окружающей маленькую станцию.

Я был огорчен, потрясен до странного оцепенения. Неужели Бог допустил такое ужасное происшествие! Роман-

тическое настроение моего первого тщательно спланированного побега навстречу Богу было безнадежно омрачено.

– Амар, мы должны вернуться домой, – я заплакал, как ребенок. – Бессердечный уход Джатинды – дурное предзнаменование. Эта поездка обречена на провал.

– И это вся твоя любовь к Господу? Неужели ты не можешь выдержать даже это маленькое испытание – предательство попутчика?

Неужели ты не можешь выдержать даже это маленькое испытание – предательство попутчика?

При упоминании Амаром божественного испытания мое сердце успокоилось. Мы подкрепились знаменитыми бурдванскими сладостями, *ситабхогом*²⁵ (пицца для богини) и *мотичуром*²⁶ (шарики из сладкой муки). Спустя несколько часов мы отправились в Хардвар через Барели. Во время пересадки, ожидая прибытия поезда в Могол-Серай, мы на платформе обсуждали один насущный вопрос.

²⁵ Ситабхог – ароматный десерт, похожий на белый рис или вермишель, приготовленный из творога, рисовой муки и сахара. – Прим. пер.

²⁶ Мотичур – сладкое лакомство из обжаренных капелек нутовой муки, смешанных с миндалем или кешью и сформированных в шарики. – Прим. пер.

– Амар, вскоре нас могут допросить сотрудники железной дороги. Я знаю изобретательность моего брата! Независимо от того, каков будет результат, я не стану говорить неправду.

– Я прошу тебя лишь об одном, Мукунда, – стой спокойно. Не смейся и не ухмыляйся, пока я говорю.

Тут ко мне подошел мужчина европейской внешности, который оказался начальником станции. Он помахал телеграммой, смысл которой я сразу понял.

– Это ты убежал из дома, поругавшись с родными?

– Нет!

Я обрадовался, что начальник станции так сформулировал вопрос и мне не пришлось лгать. Ведь я убежал не потому, что поругался с родными, а из-за «тоски по Божественному».

Тогда чиновник повернулся к Амару. Я с трудом сохранял по совету друга серьезный вид, вслушиваясь в развернувшуюся передо мной словесную дуэль.

– Где третий мальчик? – спросил мужчина мощным и властным голосом. – Ну же, говори правду!

– Господин, я обратил внимание, что вы носите очки. Разве вы не видите, что нас всего двое? – Амар нагло улыбнулся. – Я не волшебник, я не могу создать из воздуха третьего члена нашей компании.

Чиновник, заметно смущенный таким дерзким ответом, стал искать новую возможность для атаки.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Томас. Моя мать – англичанка, а отец – обращенный в христианство индус.

– Как зовут твоего друга?

– Я зову его Томпсон.

К этому времени я уже не мог сдерживать переполняющий меня смех и, услышав гудок, возвещавший о скором отъезде, бесцеремонно направился к поезду. Амар последовал за мной вместе с чиновником, который оказался достаточно доверчивым и услужливым, чтобы разместить нас в купе для европейцев. Очевидно, ему претила мысль, что два мальчика с наполовину английскими корнями поедут в вагоне, отведенном для коренного населения. После того как мужчина вежливо попрощался и ушел, я откинулся на спинку сиденья и неудержимо расхохотался. На лице моего друга появилось выражение беззаботной радости от того, что он перехитрил опытного европейского чиновника.

На платформе я ухитрился прочитать телеграмму. Послание моего брата звучало так: «Трое бенгальских мальчиков в английской одежде убежали из дома в сторону Хардвара через Могол-Серай. Пожалуйста, задержите их до моего прибытия. Обещаю щедрое вознаграждение за помощь».

– Амар, я же просил тебя не оставлять дома расписание поездов с нашими пометками, – я бросил на друга укоризненный взгляд. – Судя по всему, мой брат нашел это расписание.

Товарищ с виноватым видом признал справедливость мо-

его укора. Мы ненадолго остановились в Барели, где нас ждал Дварка Прасад с телеграммой от Ананты. Мой старый друг отважно пытался задержать нас, но я убедил его, что наше бегство – это не просто детская шалость. Как и в предыдущем случае, Дварка отклонил мое приглашение отправиться в Гималаи.

Меня не оставляло плохое предчувствие, что нас поймают.

В ту же ночь, пока наш поезд стоял на станции, а я дремал, Амара разбудил и засыпал вопросами другой чиновник. Но и этот сотрудник пал жертвой совместных чар «Томаса» и «Томпсона». На рассвете поезд триумфально доставил нас в Хардвар. Величественные горы призывно вырисовывались вдалеке. Мы промчались через вокзал и растворились в городской толпе. Первым делом мы переоделись в национальную одежду, так как Ананта каким-то образом раскусил нашу маскировку под европейцев. Меня не оставляло плохое предчувствие, что нас поймают.

Посчитав разумным немедленно покинуть Хардвар, мы купили билеты, чтобы отправиться на север, в Ришикеш – землю, давно освященную стопами многих мастеров. Я уже

сел в поезд, но Амар замешкался на платформе. Полицейский резко остановил его окриком. Наш непрощеный защитник сопровождал нас в станционное бунгало и на время изъясил наши деньги. Он вежливо объяснил, что его обязали задерживать нас до прибытия моего старшего брата.

Узнав, что наша компания беглецов направлялась в Гималаи, полицейский рассказал удивительную историю.

– Я вижу, вы обожаете святых! Но вам никогда не встретится более великого человека Божьего, чем тот, которого я видел не далее как вчера. Мы с моим напарником впервые столкнулись с ним пять дней назад. Мы патрулировали берег Ганга, выслеживая одного убийцу. Нам было приказано взять его живым или мертвым. Было известно, что он выдавал себя за садху, чтобы грабить паломников. Неподалеку мы заметили человека, по описанию похожего на преступника. Он проигнорировал наш приказ остановиться, и мы погнались за ним. Подбежав к нему сзади, я изо всех сил взмахнул топором, практически полностью отрубив правую руку мужчины. Не вскрикнув и даже не взглянув на ужасную рану, незнакомец, как ни странно, продолжил быстро шагать вперед. Когда мы обогнали его и преградили дорогу, он тихо произнес: «Я не убийца, которого вы ищете». Я сильно огорчился, осознав, что причинил вред богоподобному мудрецу. Пав ниц к его ногам, я попросил у него прощения и предложил свой тюрбан, чтобы остановить обильные потоки крови. «Сынок, я понимаю, что ты просто ошибся, – свя-

той ласково посмотрел на меня. – Ступай дальше и не кори себя. Возлюбленная Мать позаботится обо мне». Он приложил отрубленную руку на место, и – о чудо! – она приросла, а кровь необъяснимым образом перестала течь. «Чтобы не испытывать угрызений совести, приходи через три дня вон к тому дереву и увидишь, что я полностью исцелился». Вчера мы с напарником отправились в указанное место. *Садху* уже ждал нас и позволил нам осмотреть его руку. На ней не осталось ни шрама, ни следа повреждений! «Я направляюсь через Ришикеш в уединение Гималаев». Он благословил нас и быстро удалился. Я чувствую, что общение с этим святым придало новый смысл моей жизни.

Полицейский закончил рассказ благочестивым восклицанием. Встреча с мудрецом явно всколыхнула в его душе неведомые ранее глубины. Выразительным жестом он протянул мне вырезку из газеты, где напечатали заметку об этом чуде. С присущим новостным газетам апломбом (увы, они неискоренимы! даже в Индии!) репортер слегка преувеличил события: сообщалось, что *садху* был практически обезглавлен!

Мы с Амаром горько посетовали, что разминулись с великим йогом, который по-христиански смог простить своего преследователя. Индия, материально обедневшая за последние два столетия, тем не менее обладает неисчерпаемым ресурсом духовного богатства. Даже обычные миряне, такие как этот полицейский, могут порой случайно встретить так

называемые духовные «небоскребы».

Мы поблагодарили сотрудника полиции за то, что он развеял нашу скуку своим изумительным рассказом. Вероятно, он намекал, что ему повезло больше, чем нам: он без всяких усилий встретил просветленного святого, а наши тщательные поиски закончились не в поклоне у стоп наставника, а в обычном полицейском участке!

Мой компаньон стал пессимистом, как только у нас отняли крепкую опору в виде денег.

Понимая, что Гималаи уже так близко и в то же время, с учетом нашего пленения, так далеко, я сказал Амару, что вдвойне хочу вырваться на свободу.

– Давай ускользнем, как только представится возможность. Мы можем пойти пешком в святой Ришикеш, – я ободряюще улыбнулся.

Но мой компаньон стал пессимистом, как только у нас отняли крепкую опору в виде денег.

– Путешествие пешком по таким опасным джунглям наверняка приведет нас в итоге не в город святых, а в желудки тигров!

Спустя три дня за нами прибыли Ананта и брат Амара. Амар приветствовал своего родственника с искренним облегчением. Я был непримирим, Ананта не получил от меня ничего, кроме сурового упрека.

– Я понимаю твои чувства, – попытался успокоить меня брат. – Но прошу тебя отправиться со мной в Бенарес на встречу с одним святым, а затем – в Калькутту, чтобы провести несколько дней с твоим безутешным Отцом. После этого ты сможешь вернуться сюда и возобновить свои поиски наставника.

Я знал, что никогда не откажусь от поисков своего гуру.

В этот момент к нашей беседе подключился Амар и заявил, что не желает возвращаться со мной в Хардвар. Он наслаждался семейным теплом. Но я знал, что никогда не откажусь от поисков своего гуру.

Наша компания отправилась в Бенарес. Там я получил исчерпывающий и мгновенный ответ на свои молитвы.

Ананта разработал хитроумный план. Прежде чем встретиться со мной в Хардваре, он заехал в Бенарес и попросил неких ученых мужей побеседовать со мной о священных

книгах. И пандит²⁷, и его сын обещали приложить все силы, чтобы отговорить меня от пути *санньяси*²⁸.

Ананта отвез меня к ним домой. Сын пандита, энергичный молодой человек, встретил меня во дворе и вовлек в долгую философскую беседу. Заявив, что обладает способностью предвидеть мое будущее, он не одобрил мою идею стать монахом.

Ты будешь постоянно сталкиваться с несчастьями и не сможешь найти Бога, если не откажешься от мысли оставить мирские обязанности!

– Ты будешь постоянно сталкиваться с несчастьями и не сможешь найти Бога, если не откажешься от мысли оставить мирские обязанности! Невозможно отработать свою карму²⁹ без опыта мирской жизни.

В ответ мне вспомнились бессмертные слова Кришны:

²⁷ Пандит – ученый-индус, хорошо знающий санскрит, законы и древние священные манускрипты. – *Прим. пер.*

²⁸ Дословно – «отречение». От санскритских корней глагола «отбрасывать в сторону».

²⁹ Последствия всех поступков в этой или прошлой жизни. От санскритского корня «кри» – «делать».

«Любой человек, даже с самой наихудшей кармой, кто непрестанно медитирует на Меня, быстро избавляется от последствий своих былых плохих поступков. Став возвышенным существом, он вскоре обретает вечный покой. Арджуна, будь уверен: преданный, который всецело верит Мне, никогда не умирает!»³⁰

Но зловещее пророчество, которое молодой человек пытался внушить мне, слегка поколебало мою уверенность. Я пылко молча молился Богу:

– Пожалуйста, развей мои сомнения и ответь мне прямо здесь и сейчас, хочешь ли Ты, чтобы я вел жизнь отшельника или же мирского человека?

Я заметил *садху* с благородным лицом, стоявшего прямо перед домом пандита. Очевидно, услышав оживленный разговор между мной и самозванным ясновидящим, незнакомец подозвал меня к себе. Я почувствовал огромную силу в его спокойном взгляде.

– Сынок, не слушай этого невежду. В ответ на твою молитву Господь велит мне заверить тебя, что твой единственный путь в этой жизни – путь отречения.

С удивлением и благодарностью я счастливо улыбнулся, принимая посланное мне свыше судьбоносное решение.

– Отойди от этого человека! – окликнул меня стоявший во дворе «невежда». Мой святой наставник поднял руку в

³⁰ Бхагавад-гита. IX, 30–31. Кришна был величайшим пророком Индии. Арджуна – его главный ученик.

благословении и медленно удалился.

– Этот *sadhu* такой же сумасшедший, как и ты! – сделал очаровательное наблюдение седовласый пандит. Он и его сын мрачно смотрели на меня. – Я слышал, что он тоже покинул свой дом в смутных поисках Бога.

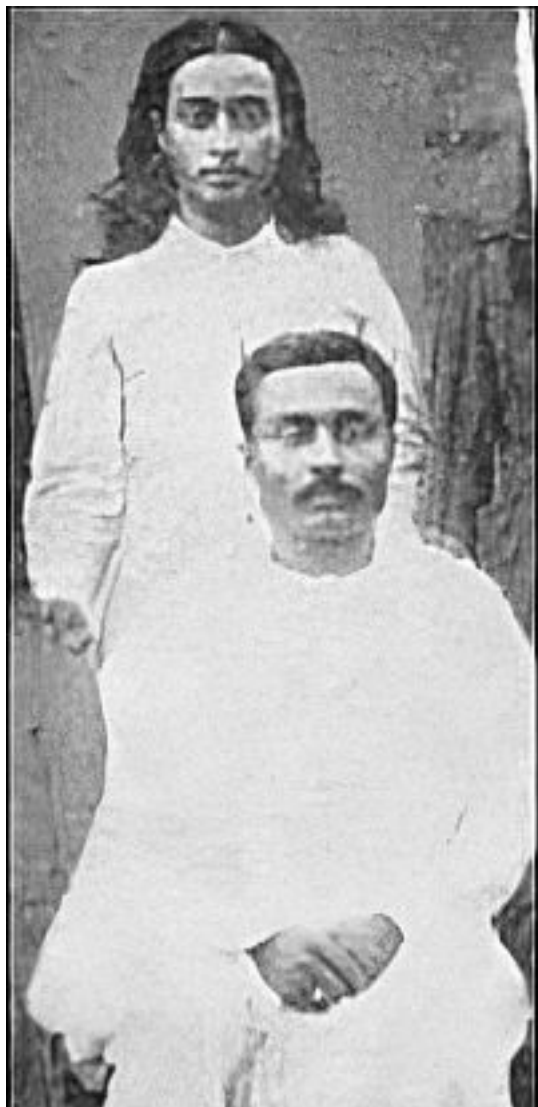

Рис. 6. Я стою позади своего старшего брата Ананты

Рис. 7. Последний праздник солнцестояния, отмечаемый Шри Юктешваром, декабрь 1935 года. Мой Гуру сидит в центре, я – справа от него, в большом дворе его обители в Серампуре

Я отвернулся. Ананте я сказал, что не буду продолжать разговор с хозяевами этого дома. Мой брат согласился немедленно уехать, вскоре мы отправились в Калькутту.

– Мистер детектив, как вы узнали, что я сбежал с двумя

товарищами? – по пути домой шутливо спросил я у Ананты, не сдержав любопытство. Брат озорно улыбнулся.

– В твоей школе мне сказали, что Амар вышел из класса на уроке и не вернулся. На следующее утро я отправился к нему домой и нашел среди вещей расписание поездов с пометками. Отец Амара как раз собирался отъезжать в экипаже и пожаловался извозчику: «Сегодня нам не придется по пути подвозить моего сына в школу. Он исчез!» – «Я слышал от другого извозчика, что ваш сын и еще два мальчика, одетые в европейские костюмы, сели в поезд на станции Хора, – заявил мужчина. – Они подарили вознице свои кожаные туфли». Так я получил три зацепки: расписание, три мальчика и английская одежда.

Я слушал пояснение Ананты со смешанным чувством радости и досады. Не стоило нам проявлять такую щедрость к извозчику!

– Само собой, я поспешил отправить телеграммы сотрудникам станций во всех городах, которые Амар подчеркнул в расписании. Он отметил Барели, поэтому я телеграфировал туда твоему другу Дварке. Наведя справки в нашем районе Калькутты, я узнал, что кузен Джатинда отсутствовал одну ночь, но на следующее утро вернулся домой в европейской одежде. Я разыскал его и пригласил на ужин. Он согласился, совершенно обезоруженный моим дружелюбием. По дороге я без предупреждения привел его в полицейский участок. Его обступили несколько полицейских, которых я за-

ранее выбрал за их свирепый вид. Под их грозными взглядами Джатинда согласился объяснить свое таинственное исчезновение. «Я отправился в Гималаи в приподнятом расположении духа, – поведал он. – Меня вдохновляла перспектива встречи с мастерами. Но как только Мукунда сказал, что во время наших сеансов медитации в гималайских пещерах тигры превратятся в ручных кисок и смирно сядут вокруг нас, мое настроение испортилось, на лбу выступили капли пота. Что тогда? – подумал я. – А если наш духовный экстаз не сможет усмирить злобный от природы нрав тигров, не разорвут ли они нас на части? Мысленным взором я уже видел себя пищей в желудке какого-нибудь тигра и представлял, как попадаю туда не сразу целиком, а по маленьким кусочкам!»

Я рассмеялся и почувствовал, что больше не сержусь на Джатинду из-за его исчезновения. Смешная история, которую брат рассказал мне в поезде, стоила всех страданий, которые кузен мне причинил. Я вынужден был признаться, что испытываю легкое чувство удовлетворения: Джатинда тоже не избежал столкновения с полицией!

– Ананта³¹, ты прирожденный ищейка! – я посмотрел на брата с восторгом и некоторой досадой. – И я скажу Джатинде, что рад тому, что он, как выяснилось, не собирался

³¹ Я всегда называл его Ананта-да. «Да» – это уважительный суффикс, который используют младшие братья и сестры, обращаясь к старшему брату в индийской семье.

нас предавать, а всего лишь поддался благоразумному голосу инстинкта самосохранения!

Новый учитель, подпитывая мой ум философскими речами, раздул тлеющие угли моего устремления к Богу.

Дома, в Калькутте, Отец убедительно попросил меня сдерживать свои порывы к странствиям хотя бы до окончания школы. В ожидании моего возвращения он все с любовью продумал и договорился, чтобы святой пандит Свами Кебаламанда³² регулярно приходил к нам.

– Этот мудрец будет твоим учителем санскрита, – уверенно заявил мой родитель.

Отец надеялся, что наставления ученого философа удовлетворят мою религиозную тоску. Но все произошло с точностью до наоборот: новый учитель, подпитывая мой ум философскими речами, раздул тлеющие угли моего устремле-

³² На момент нашего знакомства Кебаламанда еще не вступил в орден Свами, и его обычно называли «Шастри Махасайя». Чтобы избежать путаницы с именем Лахири Махасайя и Мастера Махасайя (подробнее см. главу 9), я называю своего учителя санскрита только его более поздним монашеским именем Свами Кебаламанда. Его биография была опубликована на бенгальском языке. Родившийся в бенгальском округе Кхулна в 1863 году Кебаламанда почил в Бенаресе в возрасте шестидесяти восьми лет. Его фамилия была Ашуттош Чаттерджи.

ния к Богу. Отец не ведал, что Свами Кебалананда – прославленный ученик Лахири Махасайя. У несравненного гуру были тысячи учеников, негласно привлеченных к нему божественным магнетизмом, перед которым невозможно было устоять. Позже я узнал, что Лахири Махасайя часто называл Кебалананду *риши*, или просветленным мудрецом.

Привлекательное лицо моего наставника обрамляли пышные кудри. Взгляд его темных глаз был бесхитростным, простодушным, как у ребенка.

Все движения его хрупкого тела были полны вдумчивой неторопливости. Всегда нежный и любящий, он прочно укрепил в себе бесконечное сознание. Вместе мы провели множество счастливых часов в глубокой *Крийя*-медитации.

Кебалананда был известным знатоком древних *шастр*³³ и священных книг: его эрудиция принесла ему титул «Шастри Махасайя» – так обычно к нему обращались. Но под его руководством я не добился каких-либо заметных успехов в изучении санскрита. Я искал любую возможность уклониться от изучения скучной грамматики и поговорить о йоге и Лахири Махасайя. Однажды мой наставник оказал мне услугу, рассказав один случай из собственного общения с мастером.

³³ Шастра – вид пояснительного текста, использующийся в индийских религиях, комментарий к сутре. – *Прим. пер.*

Учитель был живым воплощением храма Бога, в чьи тайные двери могли войти все ученики, проявившие преданность.

– Мне выпала редкая удача провести рядом с Лахири Махасайя целых десять лет. Каждую ночь я совершал паломничество в его дом в Бенаресе. Гуру всегда находился в маленькой передней гостиной на втором этаже. Он сидел в позе лотоса на деревянном стуле без спинки, а его ученики рассаживались полукругом перед ним. Его глаза сверкали и лучились от Божественной радости. Они всегда были полузакрыты, вглядываясь через внутреннюю телескопическую призму в пространство бесконечного блаженства. Гуру редко говорил подолгу. Иногда он задерживал взгляд на каком-либо ученике, нуждающемся в помощи, и тогда из его уст, подобно лавине света, лились исцеляющие слова. Неописуемый покой расцветал во мне от одного взгляда учителя. Я был пропитан его ароматом, как будто исходящим от лотоса бесконечности. Сама возможность просто находиться рядом с гуру, пусть даже мы по несколько дней не обменивались ни словом, уже кардинально изменила меня. Если мне по какой-то причине не удавалось достичь необходимой глу-

бины концентрации, я медитировал у ног гуру. Тогда мне без труда удавалось проникнуть в самые тонкие сферы души. С помощью других, более слабых наставников мне никогда не удавалось овладеть такой остротой восприятия. Учитель был живым воплощением храма Бога, в чьи тайные двери могли войти все ученики, проявившие преданность. Лахири Махасайя не просто цитировал священные книги слово в слово. С невероятной легкостью он распахивал перед нами «божественную библиотеку». Пена слов и брызги мыслей били из фонтана его всеведения. У него был чудесный ключ, открывающий доступ к сложной философской науке, заложенной много веков назад в *Ведах*³⁴. Если его просили объяснить разные уровни сознания, упомянутые в древних текстах, он с улыбкой соглашался. «Я пройду через эти состояния и тут же расскажу вам о своих ощущениях». В этом он кардинально отличался от других наставников, которые просто заучивали наизусть священные книги и не опирались на собственный опыт. «Прошу, растолкуй эти священные строфы так,

³⁴ Древние четыре Веды включают в себя более 100 дошедших до нас канонических книг. Эмерсон в своих «Дневниках» отдал дань ведической мысли следующими словами: «Она величественна, как жара, ночь и спокойная гладь океана. В ней заключены все религиозные чувства, вся великая нравственность, которые, в свою очередь, присущи всем благородным поэтическим умам... Бесплезно откладывать эту книгу. Если я доверюсь внутреннему голосу в лесу или в лодке на пруду, Природа тотчас делает из меня Брамина: вечная необходимость, вечная компенсация, непостижимая сила, нерушимое молчание... Это ее кредо. Покой, говорит она мне, чистота и абсолютная отрешенность – эти панацеи искупают все грехи и приведут вас к блаженству Восьми Богов».

как ты понимаешь их смысл, – немногословный гуру часто давал это указание кому-нибудь из сидящих рядом учеников. – Я буду направлять твои мысли, чтобы ты дал правильную интерпретацию». Благодаря этому многие толкования Лахири Махасайя были записаны с добавлением пространственных комментариев различных его учеников. Учитель никогда не одобрял слепую веру. «Слова – это всего лишь шелуха, – говорил он. – Убедитесь в существовании Бога, лично обретая радость общения с ним в медитации». Независимо от того, в чем заключалась проблема ученика, гуру советовал *Крийя-йогу* для ее решения. «Йога будет по-прежнему открывать вам двери к Богу, даже когда я оставлю это брненное тело и больше не смогу направлять вас. Эту технику нельзя свернуть, подшить и забыть, как теоретические источники вдохновения. Непрерывно продолжайте свой путь к освобождению с помощью *Крийя-йоги*, сила которой заключается в практике».

**Убедитесь в существовании
Бога, лично обретая радость общения с ним в
медитации.**

– Я сам считаю *Крийя-йогу* наиболее эффективным спосо-

бом самостоятельного спасения. За все то время, что человечество стремится достичь Бесконечности, не было создано способа лучше, – в завершение своей речи искренне признался Кебалананда. – Благодаря этой практике всемогущий Бог, скрытый во всех людях, явился во плоти Лахири Махасайя и некоторых его учеников.

На глазах Кебалананды Лахири Махасайя совершил чудо, подобное деяниям Христа. Однажды мой святой наставник рассказал эту историю, отведя взгляд от лежащих перед нами санскритских текстов.

– Слепой ученик, Раму, вызывал у меня сильную жалость. Неужели ему не суждено увидеть свет, когда он так верно служит нашему учителю, в котором Божественность сияет в полной мере? Однажды утром я попытался поговорить с Раму, но он терпеливо просидел несколько часов, обмахивая гуру *панкхой* – самодельным веером из пальмовых листьев. Когда верный последователь нашего учителя, наконец, вышел из комнаты, я устремился за ним. «Раму, как давно ты ослеп?» – «Я слепой с рождения, господин! Никогда мои глаза не были благословлены лучиком солнца». – «Наш всемогущий гуру может помочь тебе. Пожалуйста, вознеси ему мольбу». На следующий день Раму робко подошел к Лахири Махасайя. Ученику было даже стыдно просить, чтобы мастер наградил его физическим здоровьем вдобавок к духовному просветлению. «Учитель, в вас таится весь космический свет. Я молю вас пролить Его свет в мои глаза, чтобы я

смог увидеть гораздо более слабое по сравнению с ним сияние солнца». – «Раму, кто-то натолкнул тебя на эту мысль, чтобы поставить меня в трудное положение. Я не владею даром исцеления». – «Господин, но Некто Бесконечный внутри вас, безусловно, может исцелять». – «Вот это уже другое дело, Раму. Божья сила не знает границ! Тот, кто наделяет звезды и клетки плоти таинственным сиянием жизни, несомненно, может привнести блеск прозрения в твои глаза». Мастер коснулся лба Раму в точке между бровями³⁵.

«Сконцентрируй все внимание на этой точке и в течение семи дней как можно чаще повторяй имя пророка Рамы³⁶. Великолепное солнце озарит тебя особым рассветом». И что бы ты думал?! Через неделю случилось чудо. Впервые Раму увидел прекрасное лицо природы. Некто Всеведущий безошибочно велел своему ученику повторять имя Рамы, которого он почитал превыше всех других святых. Вера Раму стала благоговейно вспаханной почвой, на которой проросло брошенное гуру мощное семя окончательного исцеления.

³⁵ Место расположения «единого», или духовного, глаза. После смерти сознание человека обычно притягивается к этой священной точке, что объясняет закатившиеся ко лбу глаза мертвецов.

³⁶ Главная священная фигура санскритского эпоса «Рамаяна».

**Совершенство безмолвное
непротивление, мастер позволял Высшей
Целительной Силе свободно течь через него.**

Кебалананда на мгновение замолчал, затем еще раз воздал должное своему гуру.

– Лахири Махасайя совершил много чудес, но было очевидно, что он никогда не позволял эго-принципу³⁷ считать себя причиной успеха. Совершенство безмолвное непротивление, мастер позволял Высшей Целительной Силе свободно течь через него. Многочисленные тела людей, которых успешно исцелил Лахири Махасайя, в итоге попали в пламя кремации. Но незримые духовные пробуждения, которые произошли с его помощью, и Христоподобные ученики, воспитанные им, – это его нетленные чудеса.

Я так и не стал знатоком санскрита. Кебалананда научил меня синтаксису просветленного ума.

³⁷ Аханкара, эгоизм. Дословно – «Я делаю». Коренная причина дуализма или иллюзии майи, при которой субъект (эго) предстает как объект и существа воображают себя творцами.

Глава 5

«Святой-парфюмер» творит чудеса

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Эта мудрость Соломона не утешала меня. Каждый раз, выходя из дома, я внимательно оглядывался по сторонам в надежде увидеть лицо предназначенного мне свыше гуру. Но наши с ним пути не пересекались до тех пор, пока я не окончил школу.

Между нашим с Амаром неудачным побегом в Гималаи и великим днем появления в моей жизни Шри Юктешвара прошло два года. За это время я познакомился со многими мудрецами – «Святым-парфюмером», Свами Покорителем тигров, Нагендрой Натхом Бхадури, Мастером Махасайя и знаменитым бенгальским ученым Джагдишем Чандрой Босом.

Моей встрече с «Святым-парфюмером» предшествовали два события: одно – услаждающее душу, а другое – забавное.

Добро и зло – это сложная загадка, которую жизнь, подобно сфинксу,

загадывает каждому человеку.

«Бог прост. Все остальное очень сложно. Не ищите абсолютных ценностей в относительном мире природы».

Это философское изречение я услышал, когда молча стоял перед храмовым изображением Кали.

Обернувшись, я увидел высокого мужчину, чья одежда, а точнее – ее отсутствие, выдавала в нем странствующего *саду*.

– Вам удалось отвлечь меня от попытки разобраться в своих мыслях! – я с благодарностью улыбнулся. – Смешение добра и зла в природе, которое символизирует собой Кали³⁸, приводило в замешательство и более мудрые умы, чем мой!

– Мало найдется тех, кто разгадает ее тайну! Добро и зло – это сложная загадка, которую жизнь, подобно сфинксу, загадывает каждому человеку. Не пытаюсь найти решение, большинство людей платят неустойку своей жизнью – наказание, по нашим временам равное тому, что применяли в Фивах. Но изредка встречаются отдельные личности, которым удастся раскусить этот орех. Из *майи*³⁹ двойственности они из-

³⁸ Кали олицетворяет вечный принцип в природе. Ее традиционно изображают как четырехрукую женщину, стоящую в образе Бога Шивы, или Бесконечности, потому что природа или материальный мир берет начало в Ноумене. Четыре руки символизируют основные характерные качества, две из них создают, две – разрушают, что указывает на лежащую в основе двойственность материи или созидания.

³⁹ Космическая иллюзия. Дословно – «измеритель». Майя – это магическая сила в творении, благодаря которой ограничения и разделения, по-видимому, при-

влекают истину о том, что в разделении кроется единство.

– Вы говорите с такой уверенностью, господин.

– Долгое время я занимался непредвзятым наблюдением за собой, пытаюсь таким исключительно болезненным способом прийти к мудрости. Самоанализ, неустанное наблюдение за своими мыслями – это суровый и сокрушительный опыт. Он превращает в пыль самое стойкое эго. Но честный самоанализ с математической точностью выявляет мудрецов. Путь «самовыражения», признания своей исключительности порождает эгоистов, уверенных в своем праве трактовать Бога и вселенную так, как им вздумается.

**Путь «самовыражения»,
признания своей исключительности, порождает
эгоистов, уверенных в своем праве трактовать
Бога и вселенную так, как им вздумается.**

– Истина, без сомнения, смиренно отступает перед такой высокомерной оригинальностью.

существуют в Неизмеримом и Неразделимом. Эмерсон написал следующее стихотворение, которому он дал название «Мая»: Непостижимо действует иллюзия, Плетет бесчисленные сети. Ей всегда удаются веселые картины, Слои за слоем они накладываются друг на друга. И ее чарам легко поверит человек, Который жаждет быть обманутым.

Я наслаждался нашей беседой.

– Человек не сможет понять вечную истину, пока не освободится от амбиций. В человеческом разуме – если отбросить все, что копилось в нем веками, – отвратительно кишит бесконечное множество заблуждений о мире. Никакие битвы на полях сражений не сравнятся с тем, что происходит, когда человек впервые сталкивается со своими внутренними врагами! Это вам не противники из плоти и крови, которых можно одолеть с помощью ужасающе мощного оружия! Вездесущие, неугомонные, преследующие человека даже во сне, искусно отравляющие его разум, эти солдаты невежественных похотей стремятся убить нас всех. Бездумен тот человек, который хоронит свои идеалы, покоряясь общей судьбе. Как его еще назвать, если не бессильным, тупым, недостойным?

– Уважаемый господин, неужели вы не испытываете сочувствия к тем, кто заблудился во мраке?

Бездумен человек, который хоронит свои идеалы, покоряясь общей судьбе. Как его еще назвать, если не бессильным, тупым, недостойным?

Мудрец на мгновение замолчал, затем уклончиво отве-

тил:

– Любить одновременно невидимого Бога, Вместилище Всех Добродетелей, и человека во плоти, явно не обладающего ни одной из них, часто бывает трудно! Но сообразительность равна лабиринту. Стоит приглядеться к себе повнимательнее, и вскоре обнаруживаешь нечто общее для всех людей – стойкое родство эгоистичных мотивов. По крайней мере, в одном мы все похожи. Это сравнение порождает внутри меня полное ужаса смирение, перерастающее, в свою очередь, в сострадание к братьям, которые не ведают о целительных возможностях своей неисследованной души.

– Во все времена, господин, святые относились к горестям мира так же, как вы.

– Только поверхностный человек теряет восприимчивость к горестям других, погружаясь в личные страдания, – суровое выражение лица *садху* заметно смягчилось. – Тот, кто непредвзято исследует себя, познает нарастающее вселенское сострадание. Ему даруется освобождение от оглушительных требований своего эго. На такой благодатной почве расцветает любовь Божья. Творение, наконец, обращается к своему Создателю хотя бы для того, чтобы в тоске спросить: «Почему, Господи, почему?» Сгибаясь под подлыми ударами боли, человек, наконец, приходит к Бесконечному Сущему, одна красота которого уже не оставляет никого равнодушным.

Только поверхностный человек теряет восприимчивость к горестям других, погружаясь в личные страдания.

Мы с мудрецом находились в калькуттском храме Калигхат, куда я пришел, чтобы полюбоваться его знаменитым великолепием. Широким жестом мой случайный знакомый отмахнулся от величественных украшений храма.

– Нам не расслышать того, что поют кирпичи и известковый раствор, сердце открывается только человеческой песне бытия.

Мы направились к манящему солнечному свету у входа, где туда-сюда расхаживали толпы верующих.

– Ты молод, – мудрец задумчиво оглядел меня. – Индия тоже молода. Древние *риши*⁴⁰ заложили укоренившиеся образцы духовной жизни. Их древние изречения по-прежнему актуальны для современных людей. Не устаревшие, выстоявшие перед коварством материализма, эти моральные заповеди по-прежнему формируют народ Индии. Тысячелетиями – а это больше, чем растерянные ученые смогли бы подсчи-

⁴⁰ Риши, дословно «провидцы», были авторами Вед в неопределенной древности.

тать! – скептически настроенное Время проверяло ценность Вед. Прими их как свое наследие.

Когда я благоговейно попрощался с красноречивым *садху*, он поделился со мной прозорливым откровением:

– Сегодня, после ухода отсюда, тебя ждет кое-что необычное.

Я покинул территорию храма и бесцельно побрел дальше. Завернув за угол, я столкнулся со старым знакомым – одним из тех многословных приятелей, который может говорить бесконечно, позабыв о времени.

– Я отпущу тебя, как только ты расскажешь мне все, что произошло за те шесть лет, что мы не виделись.

– Вот незадача! Мне уже пора идти.

Но он схватил меня за руку, выпытывая лакомые кусочки информации. Он был похож на прожорливого волка, с удивлением подумал я. Чем дольше я говорил, тем более жадно он вынюхивал новости. Мысленно я обратился к Богине Кали с просьбой создать для меня вежливый повод удалиться.

Внезапно мой собеседник куда-то отошел. Я вздохнул с облегчением и ускорил шаг, опасаясь повторения болтливой лихорадки. Услышав, что кто-то догоняет меня, я пошел быстрее и не осмеливался оглянуться назад. Но тот юноша одним прыжком настиг меня и весело похлопал по плечу.

– Я забыл рассказать тебе о Гандхе Баба, «Святом-парфюмере», который почтил своим присутствием вон тот дом, – он указал на расположенное неподалеку от нас жилище. –

Обязательно познакомьтесь с ним, он интересный. Общение с ним может показаться тебе необычным. До свидания!

И с этими словами он наконец-то ушел.

Примерно то же самое говорил мне *садху* в храме Калигхат. Безусловно заинтригованный, я вошел в дом, где меня проводили в просторную гостиную. На толстом оранжевом ковре тут и там по-восточному сидели люди. Кто-то благоговейно прошептал:

– Вон там сидит Гандха Баба на шкуре леопарда. Он может придать цветку без запаха естественный аромат любого другого, или оживить увядший цветок, или сделать так, чтобы кожа человека источала восхитительный аромат.

Я посмотрел прямо на святого, и он тут же поймал мой взгляд. Он был пухлым и бородатым, со смуглой кожей и большими блестящими глазами.

– Сынок, я рад тебя видеть. Говори, чего ты хочешь. Желаете ли ощутить какой-нибудь аромат?

– Зачем? – мне его предложение показалось довольно ребяческим.

– Чтобы стать свидетелем чуда и насладиться ароматом.

– Вы используете силу Бога для создания запахов?

– А что тут такого? Бог в любом случае создает ароматы.

– Да, но Он заключает их в хрупкие сосуды с лепестками, которые мы выбрасываем после того, как аромат иссякнет. Вы можете материализовать цветы?

– Я материализую ароматы, мой юный друг.

– Значит, парфюмерные фабрики обанкротятся.

– Я позволю им продолжать свое ремесло! Моя цель – продемонстрировать силу Божию.

– Господин, нужно ли доказывать существование Бога? Разве Он не творит чудеса во всем, везде?

– Да, но нам тоже следует запечатлеть часть Его бесконечного творческого разнообразия.

– Сколько времени вам потребовалось, чтобы овладеть этим искусством?

– Двенадцать лет.

– Чтобы создавать ароматы астральным путем! Похоже, мой почтенный святой, вы потратили дюжину лет впустую на ароматы, которые можно приобрести за несколько рупий в цветочном магазине.

– Ароматы увядают вместе с цветами.

– Ароматы исчезают со смертью. Почему я должен желать того, что доставляет удовольствие только телу?

– Мистер философ, вы радуете мой разум. Теперь вытяните вперед свою правую руку.

С этими словами он жестом благословил меня.

Я стоял в нескольких шагах от Гандхи Баба, поблизости не было никого, кто мог бы до меня дотянуться. Я протянул руку, к которой йог не прикоснулся.

– Какой аромат желаешь ощутить?

– Розу.

– Да будет так.

К большому удивлению, середина моей ладони вдруг ощутимо заблагоухала чарующим ароматом розы. Я с улыбкой взял из ближайшей вазы большой белый цветок без запаха.

– Можно ли пропитать ароматом жасмина этот цветок, который ничем не пахнет?

– Да будет так.

Лепестки тут же начали источать аромат жасмина. Я поблагодарил чудотворца и сел рядом с одним из его учеников. Тот поведал мне, что Гандха Баба, чье настоящее имя было Вишудхананда, узнал много удивительных секретов йоги от мастера в Тибете. Тибетский йог, как меня заверили, достиг возраста более тысячи лет.

– Его ученик Гандха Баба не всегда материализует ароматы при помощи слов, как ты это только что видел, – ученик говорил с явной гордостью за своего учителя. – Его методы зависят от характера человека. Он великолепен! Многие представители калькуттской интеллигенции входят в число его последователей.

Я тут же решил не вступать в их ряды. Гуру, в излишнем буквальном смысле «чудный», пришелся мне не по душе. Вежливо поблагодарив Гандху Баба, я удалился. Неторопливо возвращаясь домой, я размышлял о трех таких разных встречах, которые принес этот день.

Войдя в двери нашего дома на Гурпар-роуд, я столкнулся с сестрой Умой.

– Ты стал таким модником, пользуешься духами!

Не говоря ни слова, я жестом предложил ей понюхать мою руку.

– Какой привлекательный аромат розы! Он необычайно силен!

Думая о том, что он скорее «сильно необычный», я молча поднес к ноздрям сестры цветок, который гуру при помощи астральных сил наделил ароматом.

– О, я люблю жасмин!

Сестра схватила цветок. Забавное недоумение промелькнуло на ее лице, когда она несколько раз вдохнула запах жасмина, исходящий от цветка, который, как она хорошо знала, не имеет запаха. Ее реакция развеяла мои подозрения, что Гандха Баба лишь внушил мне, что я ощущаю какие-либо ароматы.

Позже я услышал от одного друга, Алакананды, что «Святой-парфюмер» обладал способностью, которая, на мой взгляд, очень пригодилась бы миллионам голодающих в Азии, а теперь и в Европе.

– Вместе с сотней других гостей я находился в доме Гандхи Баба в Бурдване, – рассказал мне Алакананда. – Это было торжественное событие. Поскольку считалось, что йог обладает способностью извлекать предметы из воздуха, я со смехом попросил его материализовать несколько мандаринов, сезон которых давно прошел. *Лучи*⁴¹, разложенные на всех

⁴¹ Плоский, круглый индийский хлеб.

тарелках из банановых листьев, сразу же раздулись. Оказалось, что внутри каждой хлебной лепешки появился очищенный мандарин. Я с некоторым волнением надкусил свой, но он оказался очень вкусным.

Годы спустя благодаря внутреннему осознанию я понял, как Гандха Баба совершал свои чудеса. Этот способ – увы! – недоступен толпам голодающих по всему миру.

Различные чувственные раздражители, на которые реагирует человек, – тактильные, визуальные, вкусовые, слуховые и обонятельные – результат вибрационных колебаний электронов и протонов. Вибрации, в свою очередь, регулируются «микротоками» – незримыми жизненными силами или более тонкими, чем атомная, энергиями.

Гандха Баба, настроив себя на силу космоса с помощью определенных йогических практик, получил способность управлять микротоками, чтобы перестроить их вибрационную структуру и получить желаемый результат. Созданные им ароматы, фрукты и прочие чудеса – это реальное воплощение существующих в мире вибраций, а не внутренние ощущения, вызванные гипнозом⁴².

⁴² Непрофессионалы едва ли осознают огромные успехи науки XX века. Трансмутация металлов и другие мечты алхимиков каждый день воплощаются в жизнь в центрах научных исследований по всему миру. Выдающийся французский химик месье Жорж Клод совершил «чудеса» в Фонтенбло в 1928 году перед научным собранием благодаря своим познаниям о преобразовании кислорода. Его «волшебной палочкой» стал обычный кислород, пузырящийся в пробирке на столе. Ученый «превратил» горсть песка в драгоценные камни, железо – в субстанцию, напоминающую растопленный шоколад, а цветы, лишив их лепестки крас-

Показанные чудеса, наподобие тех, что демонстрирует «Святой-парфюмер», зрелищны, но бесполезны с точки зрения духовности. Не имея никакой цели, кроме развлечения, они являются отступлениями от серьезного поиска Бога.

Гипноз – это вторжение на территорию сознания другого человека. Его непродолжительное влияние не имеет ничего общего с чудесами, которые совершают просветленные свыше люди.

Гипноз использовался врачами при небольших операциях как своего рода психический хлороформ для людей, которым анестетик может быть противопоказан. Но гипнотическое состояние вредно для тех, кто часто подвергается ему. Возникает негативный психологический эффект, который со

ки, – в подобие стекла. «Месье Клод объяснил, как посредством преобразования кислорода в море можно получить огромное количество лошадиных сил, как сделать так, чтобы кипящая вода не обжигала, как небольшая кучка песка от краткого воздействия кислородной горелки превращается в сапфиры, рубины и топазы. Еще он предсказал, что однажды люди смогут ходить по дну океана без водолазного снаряжения. В финале ученый поразил зрителей и сделал их лица черными, удалив красный цвет из солнечных лучей». Этот известный французский ученый произвел жидкий кислород методом теплового расширения и смог отделить газы воздуха, а также открыл различные способы практического использования разницы температур в морской воде.

временем выводит из строя клетки мозга. Гипноз – это вторжение на территорию сознания другого человека. Его непродолжительное влияние не имеет ничего общего с чудесами, которые совершают просветленные свыше люди. Узревшие Бога истинные святые производят изменения в этом мире грез посредством воли, гармонично настроенной на Созидющего Неземного Сновидца.

Мастера осуждают нарочитую демонстрацию необычных способностей. Персидский приверженец мистицизма Абу Саид однажды посмеялся над некими *факирами*, которые гордились своими способностями творить чудеса с водой, воздухом и пространством.

– Лягушка тоже чувствует себя в воде как дома! – с легким презрением отметил Абу Саид. – Ворона и стервятник легко летают в воздухе. Дьявол одновременно присутствует на Востоке и на Западе! Истинный человек – это тот, кто праведно живет среди своих товарищей, кто покупает и продает, но при этом ни на мгновение не забывает о Боге!

В другой раз великий персидский учитель так изложил свои взгляды на религиозную жизнь: «Отложить в сторону то, что у тебя в голове (эгоистичные желания и амбиции). Свободно отдавать то, что у тебя в руках, и никогда не уклоняться от ударов судьбы!»

Учитель одним только величием своего примера показал мне, каким должен быть истинный праведник.

Ни беспристрастный мудрец из храма Калигхат, ни йог, прошедший обучение в Тибете, не удовлетворили моего стремления найти предназначенного мне гуру. Мое сердце не нуждалось в наставнике, которого требуется окружать почетом и тем чаще кричать ему «Браво!», чем больше людей вокруг молчат. Когда я, наконец, встретил своего учителя, он одним только величием своего примера показал мне, каким должен быть истинный праведник.

Глава 6

Свами Покоритель тигров

– Я разузнал, где живет Свами Покоритель тигров. Давай сходим к нему завтра.

Это интересное предложение поступило от Чанди, одного из моих школьных друзей.

Мне не терпелось встретиться со святым, который до того, как стать монахом, ловил тигров голыми руками и сражался с ними.

При мысли о таких замечательных подвигах во мне вскипал мальчишеский энтузиазм.

Следующий день выдался по-зимнему холодным, но мы с Чанди радостно отправились в путь. После долгих тщетных поисков в Бхованипуре, расположенном недалеко от Калькутты, мы добрались до нужного дома. На двери висели два железных кольца, которые издали пронзительный звон, когда я стукнул их друг о друга. Несмотря на поднявшийся шум, слуга вышел к нам неторопливой походкой. Его ироничная улыбка так и говорила, что посетители могут стучать сколько угодно, но они бессильны нарушить спокойствие дома святого.

Главное качество искателя истины – это терпение.

Уловив молчаливый упрек, мы с моим спутником были благодарны, что нас пригласили в гостиную. Нам пришлось ожидать так долго, что у меня появились неприятные опасения. Неписанный закон Индии гласит, что главное качество искателя истины – это терпение. Учитель может намеренно подвергнуть испытанию стремление потенциального ученика встретиться с ним. Эта психологическая уловка широко используется на Западе терапевтами и дантистами!

Наконец слуга пригласил нас пройти, и мы с Чанди вошли в спальню. Знаменитый Сохонг⁴³ Свами сидел на своей кровати. Вид его огромного тела произвел на нас странное впечатление. Мы стояли, выпучив глаза и потеряв дар речи. Никогда раньше мы не видели такой широкой груди или таких бицепсов размером с футбольный мяч. Необъятную шею венчала голова с ниспадающими локонами волос, бородой и усами. На лице застыло суровое, но невозмутимое выражение. Взгляд темных глаз напоминал одновременно и голуби-

⁴³ Сохонгом его звали в монашестве. Более широко он был известен как Свами Покоритель тигров.

ный, и тигриный. На свами не было одежды, если не считать тигровой шкуры, повязанной на крепкой талии.

Обретя дар речи, мы с моим другом поприветствовали монаха, выразив восхищение его мастерским обращением с крупными представителями семейства кошачьих.

– Не расскажете ли вы нам, как можно голыми руками усмирить самых свирепых обитателей джунглей – королевских бенгальских тигров?

– Сыновья мои, меня совсем не пугает сражение с тиграми. Я мог бы сделать это хоть сегодня, если потребуются, – он по-детски беззаботно рассмеялся. – Вы смотрите на тигров как на тигров, для меня они – ручные кошечки.

– Свамиджи, думаю, я мог бы внушить себе мысль, что тигры – это кошечки, но могу ли я заставить тигров поверить в это?

– Само собой, физическая сила здесь тоже необходима! Нельзя ожидать победы от ребенка, который представил тигра домашним котом! Сильные руки – необходимое оружие.

Свами попросил нас следовать за ним во внутренний дворик, где он ударил кулаком по стене. Кирпич с грохотом вывалился, сквозь зияющую дыру в стене дерзко проглядывало небо. Я чуть не ошеломился от изумления. Тот, кто может одним ударом выбить закрепленные известковым раствором кирпичи из прочной стены, подумал я, наверняка способен вышибить зубы тиграм!

– Многие мужчины обладают такой физической силой,

как у меня, но им не хватает хладнокровной уверенности. Те, кто крепок физически, но не умственно, могут упасть в обморок при одном только виде дикого зверя, свободно скачущего по джунглям. Свирепый по своей природе тигр, находящийся в естественной среде обитания, сильно отличается от циркового животного, которого пичкают опиумом! Многие люди, обладающие геркулесовой силой, тем не менее были напуганы до полной беспомощности атакой королевского бенгальского тигра. Выходит, в этом случае тигр в своем воображении превратил человека в дрожащую от страха кошечку. Человек, обладающий довольно сильным телом и необычайно сильной решимостью, может переиграть тигра и заставить его ощутить себя беззащитным котенком. Именно это мне часто и удавалось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.